

ПОМЕСТЬЕ ДАУНТОН

Начало

Предыстория
легендарного
«Аббатства
Даунтон»

A group of people in 19th-century attire standing in front of a large, ornate building. The central figure is a woman in a dark red dress and a man in a black suit. Other people are visible in the background, including a woman in a blue dress and a man in a black suit.

МАРГАРЕТ
ЙОРК

Маргарет Йорк
Поместье Даунтон. Начало

«Яуза»

2015

Йорк М.

Поместье Даунтон. Начало / М. Йорк — «Яуза», 2015

Этот роман – не пересказ самого популярного любовного телесериала, не подражание или новеллизация. Перед вами предыстория легендарного «Аббатства Даунтон», отправная точка грандиозной семейной саги, покорившей сотни миллионов зрителей по всему миру. Хотите знать, как познакомились Кора и Роберт, а брак по расчету обернулся историей любви? Не понимаете, почему огромное имение Грэнтэмов величают «аббатством», а не поместьем Даунтон? Спрашивали себя, как удалось «эмансипированной» американке превратиться в британскую леди и стать своей в лондонском «высшем свете», обычно закрытом для чужаков? Задумывались, какие «скелеты в шкафу» и опасные семейные тайны скрываются за парадным фасадом Даунтона и что за страсти кипят в господских покоях и на половине прислуги? Хотите знать, что произошло на борту «Титаника», вместе с которым едва не пошло ко дну и поместье Даунтон? Читайте эту роскошную книгу и обо всем узнаете!

© Йорк М., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маргарет Йорк Поместье Даунтон: Начало

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

Пролог

Большая часть пути через океан была пройдена, корабль спешил в гавань, а его пассажиры предвкушали скорое окончание путешествия. Сколь бы ни было комфортабельно судно, земная твердь под ногами предпочтительней любой палубы.

Мистер Джеймс Кроули играл в бридж в курительном салоне на палубе А, где собралось приятное общество. Несмотря на довольно поздний час, расхотеться не хотелось, нашлись темы для интересной беседы, которая то затихала, разбиваясь на обмен мнениями внутри отдельных группок, то снова становилась общей.

За четыре дня апреля, проведенные на «Титанике», отцу и сыну Кроули удалось завести несколько весьма и весьма уважаемых знакомств, недаром газеты наперебой трубили о десятке миллионеров, купивших билеты для путешествия первым классом. Не все нувориши поднялись на борт роскошного океанского лайнера, некоторые в последний день почему-то передумали, испугавшись дурных предсказаний.

Но Кроули и не нужны все десять денежных мешков, для начала достаточно тех, кто здесь.

Узнав, какие сливки общества соберутся на борту «Титаника», он поспешил приобрести билеты для себя с сыном. Кроули собирались в Нью-Йорк, но позже и с меньшими затратами, однако сейчас Джеймс мог с полным основанием утверждать, что деньги не пропали, четыре дня путешествия заложили, как он считал, основу будущего преуспевания в Америке.

Слегка портил все собственный отпрыск, который вместо попыток очаровать сильных мира сего о чем-то болтал у окна с сыном железнодорожного магната Джона Тэйера Джеком. Семнадцатилетний восторженный юнец явно не годился в приятели более взрослому Патрику Кроули, но и отталкивать его тоже не следовало – железные дороги будущее не только Америки.

Время близилось к полуночи, и было решено сыграть последнюю партию.

– Не могу понять, – заметил, сдавая карты, Бенджамин Гуггенхайм, – почему вы, англичане, называете свои поместья аббатствами.

Вопрос был адресован Кроули, и тот, заглянув в свою сдачу и убедившись, что ему сегодня категорически не везет, спокойно объяснил:

– Не все, только те, на территории которых до правления Генриха VIII действительно были аббатства.

– Это тот Генрих, что казнил своих жен?

– Да, тот самый, – уже позволил себе улыбнуться Кроули.

Америка по сравнению со старушкой Европой молода, молод и ее высший свет, у многих деньги появились буквально только что, неудивительно, что иногда простые сведения вызывают у американцев удивление.

– А ваше поместье аббатство?

– Даунтон аббатство, но оно пока не мое... Я получу поместье только как наследник титула графа Грэнтэма.

Объяснить почему, Кроули не успел, «Титаник» словно что-то толкнуло, раздался несильный, но странный скрежет. Мужчины невольно переглянулись, а Джек Тэйер пулей вылетел на палубу. Следом за ним вышел и Кроули-младший.

Они вернулись тотчас.

– Там айсберг! Огромный!.. – Глаза Тэйера горели, как звезды на черном ночном небе, которые он описывал после предыдущего выхода на палубу. – Но уже уплыл.

Патрик подтвердил:

– Кажется, корабль столкнулся с айсбергом...

Мужчины замерли, первым опомнился Гуггенхайм, он спокойно взял бокал вина, усмехаясь:

– Тем хуже для айсберга. Столкновение с «Титаником» смертельно опасно.

Шутка разрядила обстановку, хотя никто и не переживал, все верили в непотопляемость «Титаника», как и в то, что уж они-то в полной безопасности всегда и везде.

Патрик наклонился к отцовскому уху:

– Боюсь, что это опасно...

Кроули отмахнулся:

– Не говори глупости.

Но, похоже, «Титаник» остановился, шума винтов больше не слышно.

Снова посыпались шутки, мужчины стремились показать, что ничуть не переживают.

– Этот кусок льда посмел поцарапать корпус корабля? Вероятно, капитану пришлось остановиться, чтобы подкрасить. Не можем же мы прибыть в Нью-Йорк в столь неприглядном виде!

– Ну что ж, господа, чем дольше простоим, тем больше времени останется для бриджа...

Напряженность спала, тем более никакой суеты или паники не наблюдалось.

Однако разговоры не способствовали внимательной игре, и бридж решено отложить до завтра.

Заметив, что сын куда-то уходит, Кроули остановил его:

– Патрик, куда ты?

– Отправлю телеграмму в Даунтон. Это же интересно – вдруг застрять посреди океана во льдах после столкновения с айсбергом...

– Не думаю, что радисту сейчас до тебя. Остайся, завтра позвонишь и все расскажешь.

И оба вдруг почему-то подумали: если будет это завтра... Просто снаружи что-то начало происходить.

Курительный салон палубы А расположен прямо под шлюпочной палубой, потому не заметить суету на ней обитатели салона не могли. Команда расчехляла шлюпки, а это уже что-то значило. Раздались реплики, что подобные действия могут привести к опасной панике, что ни к чему волновать дам посреди ночи, а уж отправлять людей в крошечных по сравнению с огромным «Титаником» шлюпках в непроглядную тьму ночи ледяной Атлантики и вовсе безрассудство! Любая перестраховка имеет свои пределы.

Джентльмены вышли на шлюпочную палубу, чтобы понаблюдать за процессом, но находиться там оказалось невыносимо. Из котлов начали стравливать пар, что вызвало оглушительный рев, словно два десятка локомотивов сразу дали сигнал об отправлении. Было решено разойтись по каютам, чтобы успокоить своих дам.

Однако спокойствия не получилось, стюарды уже обходили каюты, прося пассажиров одеться потеплей, захватить спасательные жилеты и выйти к шлюпкам на палубу. Несмотря на страшный гул и многолюдье, паники все равно не было, никому и в голову не могло прийти, что «Титаник» уже целый час тонет. Собравшиеся пассажиры первого класса обменивались раздраженными репликами, хотя разговаривать практически невозможно.

Еще через час стало ясно, что непотопляемость «Титаника» – миф, который дорого обойдется его пассажирам.

Крен корабля становился все более заметным, вода затопила не только подпалубные помещения, но и хлынула в коридоры, где были каюты третьего класса.

На корабле началась настоящая паника, теперь пассажиры, которых раньше приходилось уговаривать, в ужасе пытались прорваться к шлюпкам.

Гул, грохот, людские крики, отчаяние...

Все, кто смог или просто успел сесть в шлюпки, постарались отплыть подальше от тонущего корабля, но на «Титанике» оставалось много пассажиров третьего класса, членов

команды, да и таких, как сами Кроули – крепких, сильных мужчин, у которых немалые счета в банках, титулы, дворцы, роскошные любовницы и автомобили, и прочее, вроде золота и бриллиантов в запонках.

Парадокс – вместе с «Титаником» гибли самые бедные и самые богатые. Женщины и дети не в счет, но мужчины, путешествовавшие первым классом, оказались обречены. Ни за какие деньги на тонущем «Титанике» невозможно купить собственное спасение.

Наблюдать за агонией судна-мечты, стоя на ледяном ветру, было бессмысленно, и часть пассажиров первого класса вернулись в салоны.

Джеймс и Патрик Кроули присоединились к компании Бенджамина Гуггенхайма, который тоже предпочел пить виски, а не метаться по палубе в ожидании последнего акта катастрофы. Гуггенхайм только попросил малознакомую женщину, садившуюся в одну из последних шлюпок, передать леди Гуггенхайм записку с прощальными словами любви.

В курительном салоне снова началась игра...

– Да, пожалуй, завтрашний ужин пройдет без нас. – Это саркастическое замечание Джеймса Кроули не вызвало возражений его соседей по ломберному столу. Напротив, сдавая карты, Артур Райерсон кивнул:

– Вы правы. Но партию-то закончить мы, надеюсь, успеем?

Из кресла, в котором журналист Уильям Стед устроился почитать, хотя слабое из-за вышедших из строя котельных освещение едва ли этому способствовало, послышалось замечание:

– Если поторопитесь...

Не успели. Через несколько минут началась агония огромного лайнера и полутора тысяч людей на нем, так и не сумевших или не пожелавших покинуть корабль.

Джеймс Кроули достал бумажник:

– Мистер Гуггенхайм, я хочу оплатить проигранное. Вы примете фунты? У меня просто не имеется долларов.

– Полноте вам! Едва ли эти фунты или доллары мне понадобятся, ведь мы тонем.

– Тем более, сэр. Джентльмен не имеет права отпраиваться на встречу с Господом, не оплатив по возможности свои земные долги.

Мечта была совсем рядом, стоило только протянуть руку. Всего два часа назад Кроули млел от мысли, что может войти в круг миллионеров, пусть и с помощью женитьбы сына, жизнь была прекрасна и удивительна, как те звезды, которыми восхищался Джек Тэйер... А теперь все сузилось до четверти часа и последующей вечности в черных ледяных водах Атлантики.

И вдруг...

Патрик с изумлением смотрел на хохочущего отца. Корабль уже сильно накренился, было понятно, что он уходит под воду и надежды на спасение нет. Неужели Джеймс Кроули сошел с ума от ужаса?

А тот закричал, хотя в стоявшем грохоте Патрик едва ли мог его расслышать:

– Теперь Даунтон достанется совсем чужим, ведь Грэнтэмам нужен новый наследник, которого у них нет!

За двадцать пять лет до этого...

Глава 1

– Даунтону нужен наследник!

– А я кто? – Роберт Кроули смотрел на мать с изумлением. Леди Вайолет, конечно, отличалась парадоксальностью мышления, но не до такой же степени!

– Ты нынешний наследник своего отца, а я говорю о том, кто получит титул за тобой!

Роберт все же возмутился:

– Но мы с отцом не собираемся умирать!

– Надеюсь. И я не говорю, что ты должен произвести на свет наследника сегодня вечером, но задуматься о женитьбе и рождении сына обязан. Если, конечно, не хочешь, чтобы когда-нибудь графом Грэнтэмом стал твой дорогой кузен Джеймс Кроули. Его мать была бы этому очень рада.

Леди Кроули величаво кивнула дворецкому мистеру Бишопу, приветствовавшему хозяев у входной двери дворца, и поспешила внутрь. С утра дул слишком холодный для марта ветер. Возможно, им так только показалось потому, что пришлось проделать неблизкий путь от церкви, куда Грэнтэмы ходили только пешком.

Но леди Вайолет не подавала вида, что замерзла или устала. Жестом королевы, мило-стиво позволяющей поцеловать руку, она не глядя протянула в сторону свои перчатки, будучи уверена, что кто-то из слуг их примет. За перчатками последовало меховое боа. Вайолет не ошибалась, прекрасно вышколенные, умеющие быть незаметными слуги Даунтона знали свое дело, перчатки не упали на пол, их подхватил дворецкий и, также не глядя, передал горничной графини.

– Мистер Бишоп, распорядитесь, чтобы обед подали в малой столовой через час.

– Да, миледи. – Дворецкий, как полагается в лучших домах Британии, сама сдержанность и важность.

Во время обеда, как только после белого супа перешли к камбале с вином и грибами, леди Вайолет вернулась к интересующему ее вопросу.

– Роберт, надеюсь, ты в своем Египте не дал обет безбрачия или чего-то подобного? Быть холостяком в твоём возрасте уже не совсем прилично.

– Мама, Египет никогда не был моим, ты знаешь, что я оказался подле несчастного Хартума по долгу службы. Никаких обетов я не давал, предпочитаю их не давать совсем. И что ты видишь неприличного в том, что у меня нет супруги, которая бы переживала из-за моего участия в войне?

Роберту вовсе не хотелось обсуждать свое семейное положение даже с родителями. Он не чувствовал себя старым холостяком, как не чувствовал потребности вздыхать по кому-то из представительниц прекрасного пола. Несмотря на весьма привлекательную внешность, ум и высокое положение в обществе, Роберт Кроули не мог похвастать счастьем в личной жизни. Поклонниц было немало, но они не трогали сердце, а единственная, что его в свое время задела, вышла замуж за другого.

Леди Кроули не успела объяснить, что именно считает неприличным в положении холостяка, ее опередил лорд Кроули.

– Роберт, на сей раз я поддержу твою мать...

– Боже мой! Должно было случиться нечто невероятное, чтобы твой отец со мной согласился! – возопила леди Вайолет, не заметив быстрого взгляда, брошенного на нее мужем.

– Тебе и впрямь пора жениться. Не все в жизни совершается по любви, бывают очень крепкие браки по расчету. Будущий титул позволит выбирать невесту с хорошим приданым...

Договорить лорд Кроули не успел, леди Вайолет не смогла молчать.

– Александр! Разве в приданом дело?! Просто Роберту уже давно пора обзавестись семьей и наследником. Лучше не одним. – Она отрицательно покачала головой, делая знак лакею, предлагавшему спаржу в соусе по-итальянски. – Нет, благодарю.

– Приданое тоже не помешает.

– Лорд Кроули, вы меркантильны!

Роберт предпочел не вмешиваться в беседу родителей. Чем дольше они спорят между собой, тем меньше времени останется на него. Кроули прекрасно понимал, что жениться пора и обзаводиться наследником тоже, но хотел бы подождать еще немного... годик-другой... вдруг встретится та единственная, от которой сердце замрет, как в юности?

Смешная надежда, потому что его сверстницы давно замужем, и леди Вайолет ни за что не допустит появления в качестве своей невестки уже побывавшей замужем женщины, даже если та не разведена, а вдова. Юные же особы, у которых в головах только чепуха, неинтересны Роберту. Вероятно, правы те, кто женится в юности, когда о соответствии характеров и интересов не задумываешься, главную роль играет симпатия.

Роберт усмехнулся своим мыслям: он действительно думает как старый холостяк, хотя ему всего лишь тридцатый год...

Задумавшись, он пропустил что-то сказанное леди Вайолет.

– Роберт? Ты согласен?

– Да, мама.

Знать бы с чем, а то ведь леди Вайолет может организовать нечто такое...

Так и есть!

– Значит, в Лондон мы едем все вместе. Это чудесно, ты заслужил большой отпуск, полковник позволит задержаться, узнав, в чем дело.

– О каком деле ты ведешь речь?

– Как о каком?! Ты только что согласился сопровождать свою сестру на представлении ко двору и прочие балы, чтобы там найти себе невесту.

М-да... безопасней все же слушать леди Вайолет.

– Роберт, я так рада, что ты согласился! – Глаза Эдит сверкали, как бриллианты чистой воды. Она дебютантка, а это очень важный этап в жизни любой девушки. Быть представленной ко двору, получить доступ на все мероприятия Сезона, несколько месяцев танцевать без остановки, демонстрировать все новые и новые наряды, тайно кокетничать и купаться в обожании – мечта каждой девушки.

Дебюта ждут с нетерпением и страхом одновременно, к нему готовятся, когда приходит время быть представленной Ее Величеству, от волнения неразумной становится самая разумная девушка.

Эдит, которая столько времени твердила, что ей претит сама мысль превратиться в светскую пустышку, что она намерена стать свободной художницей и, уж конечно, светской мишуре предпочтет серьезные занятия живописью, забыла обо всем, только услышав, что в этом году получит право быть поцелованной в лоб Ее Величеством. Она уже второй месяц репетировала движение с огромным шлейфом, гораздо большим, чем предстояло иметь на платье во время королевского приема. Так поступали почти все дебютантки, потому что главное – не наступить на собственный шлейф и, не дай бог, не упасть! К королеве нельзя поворачиваться не только спиной, но и боком, потому предстояло еще и научиться красиво пятиться назад, держа свой шлейф на локте.

Роберт в свое время тоже прошел представление ко двору – сшил костюм в стиле прошлого века, натянул бриджи, надел туфли с большущими пряжками и подвесил шпагу, как полагалось по этикету. Конечно, его, как юношу, опекали куда меньше Эдит, но и тогда волнений было немало.

Не поддержать сестричку в такой важный для нее день грешно. Роберт рассмеялся:

– Конечно, дорогая, я сопровожу тебя.

– Роберт, я еще жива, если ты об этом забыл! – леди Вайолет поджала губы.

Она права, девушку двору представляет старшая родственница, имеющая безупречную репутацию, желательна ее мать. У леди Вайолет Кроули графини Грэнтэм репутация безупречна, к тому же в свое время они с графом Грэнтэмом даже были доверенными лицами принца Эдуарда в Петербурге на церемонии сватовства к его будущей супруге.

Сын поспешил исправить ошибку:

– Я не о придворной церемонии, мама, а о прогулках верхом, балах и театре. Думаю, мое присутствие рядом Эдит не помешает.

– Наоборот, Роберт! У тебя так много знакомых в Лондоне.

– Едва ли мои знакомые будут тебе полезны.

Они уже отдали должное баранине с гарниром, яблочному пирогу и теперь лакомились жонманже – апельсиновым желе, которое кухарке пришлось в голову приготовить, несмотря на холодную погоду.

– Мистер Бишоп, поблагодарите от нашего имени мисс Бикет за отменное жонманже. Сегодня ей оно особенно удалось, – попросила леди Вайолет.

А Эдит поспешила добавить:

– И яблочный пирог вкусный.

Дворецкий снова важно кивнул, словно все успехи кухарки случались только с его соизволения.

В Даунтоне он чувствовал себя настоящим хозяином дворца. Прежняя графиня Грэнтэм, мать нынешнего графа, иногда возмущалась:

– В собственном доме чувствую себя у мистера Бишоп в гостях!

Супруг возражал ей:

– Но, дорогая, если не будет вот такого мистера Бишоп, наше поместье и вся наша жизнь быстро уподобится жизни семьи среднего класса. Помнишь дворецкого герцога Мальборо? Мистеру Бишопу далековато до такого снобизма.

– К счастью! – уточняла графиня.

Мистер Бишоп и впрямь был некоей достопримечательностью Даунтона, как древние вороны Тауэра или большие часы на башне. Вдвоем с экономкой они держали штат прислуги в поместье на должном уровне, не то что в лондонском особняке Грэнтэмхаус в Мейфэре, как обычно подчеркивал мистер Бишоп, имея в виду слабую дисциплину тамошних слуг.

У дворецкого мистера Бишоп, отвечающего за мужскую прислугу и внешний антураж дома, и экономки мисс Эрлин, в ведении которой спальни, кладовые и многочисленная женская прислуга, одинаковый взгляд на порядок в Даунтоне. Строгие правила никому не позволено нарушать, иначе не миновать беды, стоит допустить небольшое послабление, это повлечет за собой много разных неприятностей.

Слуги держатся за свои места в Даунтоне не только из-за высокой оплаты, которая на несколько фунтов выше, чем в том же Лондоне, не только из-за весьма недурного питания и содержания, но и из-за строгих, но справедливых хозяев. Не секрет, что во многих домах даже имена слугам меняют, потому что какая-нибудь герцогиня не в состоянии запомнить, как зовут второго лакея или горничную, кроме своей личной. В таких домах все Джоны, Сары, Эммы и Абигайли... Конечно, Сара, Эмма или Томас весьма распространенные имена среди тех, кто зарабатывает на жизнь услужением, но почему человек должен менять данное ему при рождении имя Джон на Томас только потому, что один Джон в доме уже есть?

Мисс Эрлин предпочитала иной подход: куда лучше, если общение со всеми слугами, кроме личных горничных или камердинера, у хозяев происходит через дворецкого и экономку, тогда не придется запоминать имена лакеев или переименовывать их. Это удобней и не приводит к проблемам, если кто-то из слуг увольняется, а на его место берет новых.

Дворецкому, экономке и слугам предстояло немало работы, ведь хозяева намеревались провести Сезон в Лондоне.

Это означало, что нужно собрать все самое необходимое, потом добавить не столь необходимое, потом еще то, без чего будет неудобно, то, что дорого сердцу хозяев, то, без чего можно бы и обойтись, и, наконец, совсем ненужное, что даже останется не распакованным, уложить в многочисленные коробки, картонки, тюки и чемоданы, чтобы произвести все действия в Лондоне в обратном порядке.

Мисс Эрлин распорядилась подготовкой и укладкой вещей леди Вайолет и леди Эдит, дворецкий заботился о вещах мужчин. Собрать и уложить все, как подобает, было особенно важно потому, что сами мисс Эрлин и мистер Бишоп оставались в Даунтоне. У Кроули большой дом в фешенебельном районе Лондона Мейфэре, где свои дворецкий, экономка и часть слуг. Дом должен быть готов к приезду хозяев в любое время года, потому там и держат свою прислугу, а приглядывать за теми и другими в равной степени строго одному дворецкому тяжело.

Между дворецкими, конечно, существует соперничество, потому малейшая оплошность мистера Бишопа стала бы поводом для укора мистера Блэйка, дворецкого Грэнтэмхауса на Чарльз-стрит.

Личные горничные леди Вайолет и леди Эдит, а также камердинеры графа Грэнтэма Чарльз и Роберта Томас, конечно, отправлялись с хозяевами. Остальных предпочитали либо оставлять в Даунтоне, либо отправлять в отпуск. Кто-то из слуг, нанятых в соседней деревне или на фермах, радовался возможности весну и лето провести дома, где тоже было много работы, кто-то, напротив, жалел, что не поедет в Лондон.

Те немногие, кто оставался в поместье, были рады отдохнуть. Их надежды быстро развеял мистер Бишоп:

– Не думайте, что остающимся не найдется дела! Предстоит вычистить и вымыть весь дворец и малый в том числе.

– А Дауэрхаус зачем, он же закрытым стоит? – изумился Николас – лакей, которого оставляли в Даунтоне на время отъезда хозяев.

– Да, Мэри, Лиз и ты этим и займетесь. Мисс Биккет своей кухней, а мы с мисс Эрлин столовым серебром и всякой всячиной хозяев.

– Кто бы сомневался, – проворчала мисс Биккет. Кухарка вовсе не рвалась в Лондон, но была сердита на дворецкого за то, что тот отпускал в деревню ее помощницу Роуз, девушку не самую сообразительную, но весьма исполнительную. Роуз, которой дома предстояло доить коров и тащить на себе весь воз домашних дел большой фермы, тоже не радовалась отлучению от Даунтона.

– Вы уже больше не работаете в Даунтоне или хозяева уехали, а я не заметила? – мисс Эрлин умела приводить всех в чувство самыми простыми вопросами. Слуги прекратили обсуждение личных насущных дел и занялись хозяйскими сборами.

Подобная суматоха устраивалась в абсолютном большинстве поместий дважды в год – при переезде в Лондон и из Лондона.

В этом году пропустить Сезон нельзя – младшей дочери графа леди Эдит исполнилось восемнадцать, ей предстояло важнейшее событие – представление ко двору.

В преддверии этого эпохального для каждой юной особы дня леди Вайолет и Эдит бывали в Лондоне довольно часто. Требовалось сшить по несколько десятков нарядов для матери и дочери, потому посещение лондонской портнихи в последние месяцы стало привычным занятием, и особняк на Чарльз-стрит поддерживался в надлежащем состоянии всю зиму. Платье для королевского приема и еще по два для особенно важных балов были заказаны даже у Чарльза Ворта, знаменитейшего англичанина, ставшего законодателем моды в Париже. Шедевры Ворта стоили безумно дорого, но бывали случаи, когда деньги жалеть нельзя. Граф

Грэнтэм беспрекословно подписывал чеки с большущими суммами для оплаты счетов своих красавиц. Лондонский Сезон вообще мероприятие дорогое, а уж если дочь на выданье...

Недаром большинство родителей втайне надеялись выдать свое сокровище замуж после первого Сезона.

Королева весной была нездорова, потому представление ко двору состоялось только после пасхальных каникул парламента. Это увеличило число представляемых и суматоху во время приема, зато у Эдит оказалось достаточно времени, чтобы научиться пятиться, не оглядываясь, и красиво держать шлейф платья. Она вовремя и изящно преклонила колени, спину держала прямо, не запнулась, отвечая на какой-то пустяковый вопрос Ее Величества, умудрилась не задеть большим пером прически королеву по лицу. Случалось и такое, ведь большое страусиное перо в прическе – отличительная особенность любой дебютантки, так они заметней в толпе для взоров строгих ценителей и для королевы тоже.

Все прошло прекрасно, Эдит оказалась заметным явлением этого Сезона, и леди Вайолет надеялась, что дочь из-за успеха при дворе забудет свои глупые намерения стать профессиональной художницей. Нет юных девушек, которым не льстило бы ухаживание противоположного пола, даже если они мнят себя суфражистками.

Леди Вайолет после приема ворчала:

– Когда представляли Ее Величеству меня, все было иначе.

– Как?

– Куда торжественней. Выверен каждый шаг, каждое движение. Разве позволительно в присутствии королевы отворачивать голову в сторону и разговаривать с другими, как это сделала леди Чартвелл?

Роберт смеялся:

– Мама, со временем меняется все.

– О да! Когда будут представлять ко двору нашу внучку, разрешат поворачиваться к Ее Величеству спиной!

Лорд Кроули покосился на жену:

– Ты полагаешь, что у нас будет та же королева?

– Королева Виктория вечна, как сама Британия и наши традиции!

Леди Вайолет сделала вид, что не расслышала, как Роберт пробормотал:

– В таком случае не завидую принцу Эдуарду...

Сезон обещал быть блестящим, совсем скоро предстояли скачки Дерби и Королевский эскорт, потом обязательно регата на Темзе и, конечно, крикет... А до того и между спортивными развлечениями бесконечные балы, приемы, маскарады, ужины, завтраки, вечеринки и театральные премьеры... Да, еще следовало упомянуть утренние прогулки верхом в Гайд-парке, походы по магазинам, посещение портнихи, множество визитов, без которых никак не обойтись без риска показаться невежливой, приемы гостей в своем доме... И так без конца в течение нескольких месяцев! Дамы жаловались, что страшно устают (и это было правдой), но ни за что не отказались бы от Сезона, особенно те, для кого делом насущным оказывалось найти себе достойную пару, недаром же Сезон называли «свадебным рынком».

Эдит на время забыла свои суфражистские устремления и с головой окунулась в вихрь светских развлечений, явно испытывая от этого удовольствие.

Предстоял большой бал, на котором королева намеревалась только появиться и тотчас удалиться, оставив принца Эдуарда принимать все королевские почести, что обещало куда большее веселье, поскольку принц, несмотря на свой солидный возраст, повеселиться любил. Вернее, вопреки своему солидному возрасту. А что ему еще оставалось, если до правления не допускали? На шестом десятке лет предаваться безудержному веселью, подтверждая свою репутацию царственного бездельника, из-за которой ему ничего и не доверяли. Замкнутый

круг, разорвать который могла только кончина королевы Виктории, к чему все были готовы, но никто не желал об этом ни думать, ни говорить.

Леди Вайолет снова завела разговор о выборе невесты для Роберта, супруг активно поддерживал ее, причем советовал выбирать умом, а не сердцем, тем более сердце молчит. Роберт обещал, в глубине души надеясь, что в этом Сезоне ему удастся уйти от решения насущного вопроса и после нескольких выходов в свет он найдет предлог, чтобы вернуться к месту службы, отложив женитьбу еще на год. Сердце действительно молчало, а жениться только ради рождения сына не хотелось.

Бальная карточка Эдит оказалась заполнена именами пожелавших пригласить на танец, девушка буквально порхала по залу, млея от восхищенных взоров молодых людей. Лорд Кроули кивнул на дочь:

– Роберт, бери пример с сестры. Ее не нужно уговаривать подарить наследника.

Прежде разговоры о женитьбе и наследнике вела мать, отец только посмеивался, если уж и граф Грэнтэм начал оказывать давление, значит, отложить счастливое событие на следующий год не получится... И все же Роберт не сдавался:

– Вам не кажется, что Эдит сделают предложение довольно скоро? Может, этот год зарезервируем для нее, а я потом?

Шутка не удалась, потому он встретил подошедшую сестру графа Грэнтэма леди Маргарет даже с облегчением.

– Вайолет, ты выглядишь бодрой и отдохнувшей. – Леди Маргарет сделала вид, что не услышала, как леди Вайолет пробормотала:

– Чего не могу сказать о тебе...

О, слух леди имеет одну особенность: он то обостряется, то вдруг пропадает, и всегда вовремя!

– Александр, а ты, напротив, чем-то встревожен? Роберт, пойдем, я представлю тебя своей американской приятельнице и ее очаровательной дочери – миссис и мисс Левинсон.

Роберту ничуть не хотелось знакомиться с американками, но объяснять родителям, почему за две недели не приложил ни малейших усилий, чтобы очаровать какую-нибудь достойную девушку, хотелось еще меньше. Уж лучше американки.

С твердым намерением завершить беседу после нескольких дежурных фраз о погоде он двинулся следом за тетушкой.

– Роберт, ты никого не пригласил на следующий вальс?

– Сегодня я не танцую. Надеюсь, вы не обещали танец своей подопечной, не спросив меня?

– Нет, не обещала. Я знала, что ты так ответишь. Зря, девушка милая и мне показалась умненькой. К тому же у нее богатое приданое.

– Тетушка!

– О, несносный, не так громко!

Роберт всегда жалел девушек, которые не умели быстро освоиться в обществе, не осуждал их – просто жалел. Эдит, несмотря на свою юность, купалась во всеобщем внимании, казалось, что она танцует на балах не первый Сезон. А американка... как тетушка ее представила? Мисс Кора Левинсон, кажется? Мисс Кора Левинсон отнюдь не чувствовала себя столь же уверенно, возможно это была скромность, но такая, которая выглядит застенчивостью и граничит с неумением быть очаровательной – самым большим преступлением в высшем свете Лондона (конечно, если не считать настоящих преступлений, после которых следует серьезное наказание).

«Ей никогда не завоевать место в обществе, так и останется в сторонке», – почему-то подумал Роберт, равнодушно скользнув взглядом по лицу мисс Левинсон.

Миссис Левинсон представляла полную противоположность дочери – она была одета ярко, почти вульгарно и вела себя так, словно бал дан в честь ее появления в Лондоне. Это добавляло смущения Коре. Малосимпатичная пара, несмотря на то что девушка действительно мила и не глупа.

Роберт нашел повод сократить беседу до нескольких ничего не значащих фраз и удалиться, прежде чем миссис Левинсон начнет его обхаживать на предмет более близкого знакомства со своей дочерью, тем более предстоял следующий танец, на который американка приглашена наверняка не была. Сочувствовать мисс Левинсон за счет своего душевного спокойствия Роберт не желал.

Леди Маргарет украдкой вздохнула с явным облегчением.

– Тетушка, вы выполнили обещание и больше не намерены искать супруга мисс Левинсон? Или мне это просто показалось? – спросил по-французски, поскольку отойти далеко от американок не удалось, зал был полон.

И услышал голос Кору:

– Мисс Левинсон вполне способна найти себе супруга сама и в Америке.

– Вы говорите по-французски?.. – Роберт был откровенно смущен. Его выпад выглядел просто неприлично, и теперь следовало подумать, как извиниться.

– И не только, – бросила мисс Левинсон через плечо, подавая руку подошедшему Генри Уайльду, интересовавшемуся, не забыла ли мисс Левинсон об обещанном ему вальсе: – Не забыла, виконт.

Глядя вслед уходившей мисс Левинсон, Роберт невольно подумал, что она не так уж проста и не так растеряна. Но Кора Левинсон все равно не интересовала Роберта Кроули уже потому, что прибыла из-за океана.

Все американцы, с которыми ему довелось общаться, самоуверенны, считали главным событием в истории человечества свою Войну за независимость и полагали, что без Америки мир рухнет. А еще они неприлично, даже вульгарно сорили деньгами, заработанными путем разных махинаций, называли Европу неповоротливой, а европейцев снобами. Возможно, были правы, но для Роберта Кроули многовековые традиции и репутация семьи действительно дороже денег, пусть и больших. Если соблюдение и защита традиций снобизм, он определенно сноб.

С американками Роберт знаком не был, но те, кого встречал в свете, явно не отличались ни элегантностью, ни умением красиво тратить миллионы, предоставленные мужьями и отцами. Вызывающие наряды, огромные бриллианты, кричащие цвета, громкие голоса... О нет, только не это!

Миссис Марта Левинсон тоже одета слишком броско, на грани дурного вкуса, мисс Левинсон несколько более скромна, но яблоко от яблони...

И все же, проследив взглядом за легко плывущей в танце Корой Левинсон, Роберт был вынужден отметить, что она грациозна и весьма привлекательна, несмотря на свой американский налет.

– Роберт, возможно, стоило обратить большее внимание на мисс Левинсон? Ты об этом думаешь?

Голос леди Маргарет отвлек Роберта от размышлений об американцах.

– Нет, я просто размышляю о том, сколь неудачно получилось и как теперь извиниться перед мисс... как ее там?

– Перед кем это тебе придется извиняться? – Отец подошел к ним сам, оставив леди Вайолет беседовать с подругой, которую с трудом переносил.

– Роберт умудрился заметить по-французски, что мне приходится помогать мисс Левинсон в поиске мужа. Она это услышала.

– Роберт, думаю, ты зря не обратил внимания на эту девушку. Из нее выйдет прекрасная супруга, она, конечно, не леди по рождению, но, несомненно, легко таковой станет. И приданое большое.

– Неужели наши дела столь плохи, что нужно торговать титулом? – невольно пробормотал Роберт.

Не желая продолжать разговор, он приветствовал очередного друга юности – Эдварда Коллинза, который поспешил подойти, чтобы поговорить. Роберт не заметил, как переглянулись брат и сестра, причем во взгляде графа Грэнтэма явно сквозила тревога, списать которую на простое беспокойство за сына-холостяка едва ли возможно. Знатных холостяков в Лондоне немало, а репутация Роберта Кроули безупречна. Это могла подтвердить любая из многочисленных тетюшек, пристально следивших за поведением молодых и не очень представителей высшего общества.

И все же в этом году желающих непременно женить сына графа Грэнтэма на своей протеже заметно поубавилось. Роберт даже пошутил, что многочисленные любительницы устроить чье-то будущее все же поняли, что он позаботится о себе сам. Молодому Кроули даже в голову не приходило, что существует и другая, куда более весомая причина некоторого охлаждения к матримониальным планам относительно него, и кумушки, нюхом чужавшие любое изменение положения в обществе или финансовые проблемы, реагировали куда быстрее даже биржевых спекулянтов.

Но обо всем этом на балу не думалось.

Буквально протиснувшийся к ним Эдвард Коллинз учтиво приветствовал леди Маргарет и отца и сына Кроули. Леди Маргарет не могла не воспользоваться таким неожиданным подкреплением.

– Эдвард, вы теперь тоже американец?

– Почему тоже, леди Маргарет?

– О нет, я неудачно выразилась. Хотела сказать, что вы могли бы нам кое-что рассказать об Америке и американках.

– Конечно, мог бы. Роберт, это совсем иной мир, в котором сейчас делаются деньги.

Роберт сокрушенно вздохнул.

– Эдвард, умоляю, только не сейчас! Мы же на балу.

Они договорились встретиться на следующий день в клубе, пообедать и побеседовать подробнее.

Роберт Кроули был прав и неправ одновременно – Кора Левинсон действительно чувствовала себя почти растерянной, что бывало с ней крайне редко. Обычно довольно дерзкая Кора, привыкшая дома почти диктовать свою волю окружающим, в Лондоне оказалась, как бы сказали, не в своей тарелке.

Ее наряды весьма элегантны, сшитые в Париже у божественного Ворта, они просто не могли быть иными. В то же время ее мать миссис Левинсон сумела даже воровские шедевры «доработать», добавив для пущего эффекта некоторые детали отделки, от чего произведения парижского кутюрье оказались почти вульгарными, использовала много богатых украшений, не скупясь на золото и бриллианты, что усилило негативный эффект.

Но не в нарядах дело, Лондон смирился бы с канареечным вкусом миссис Левинсон, не будь у нее еще и сильного американского акцента, привычки почти по-немецки строить фразы и говорить свысока. Мать и дочь до Лондонского Сезона немало времени провели в Европе, возможно, потому французский мисс Кору был безупречен.

А вот истинно английское произношение хромало. Все та же беда – менее внятный и резкий американский вариант языка слышался в каждой фразе, каждом звуке. Они словно говорят с набитым ртом – так выражалась об этом акценте бабушка Роберта. И была права.

Это легко исправимо, поживи они несколько месяцев в Лондоне, несомненно, акцент пропал бы. Но они и в Лондоне поселились у своей родственницы-американки. Мистер Левинсон был достаточно богат, чтобы приобрести для жены и любимой дочери особняк в лондонском районе богачей Мейфэре, как он сделал это в Париже, но миссис Левинсон не была убеждена, что ей нравится Лондон, а потому решили подождать. Вот если, будучи представленной ко двору, Кора будет иметь оглушительный успех...

Кора оглушительного успеха не имела потому, что к нему не стремилась.

А холодностью Роберта Кроули оказалась задета и, как это часто происходит в жизни, именно такая холодность пробудила некие чувства у самой Кору. Сначала досаду, но сколько же влюбленностей начинаются именно с досады или обиды!

На следующий день в девять мисс Левинсон уже совершала прогулку верхом по Гнилому Ряду Гайд-парка, где по утрам гарцевали умеющие делать это красиво молодые люди и девушки. Это вполне обычно для Сезона, когда каждый день расписан буквально по минутам. Прекрасно державшаяся в седле всадница и ее великолепная лошадь (мистер Левинсон знал толк в лошадях и верховой езде, и в Европе для Кору тоже держали лошадей для верховой езды и охоты помимо обычной выездки) привлекали внимание молодых людей. Те, кто уже был представлен Коре, раскланивались, кто еще не был, находили возможность быть представленными...

Казалось, все шло прекрасно, но девушку словно съедало изнутри какое-то беспокойство. Она невольно искала глазами своего вчерашнего обидчика, но не находила. Не случись той обмолвки Роберта на балу или получись у него загладить неловкость сразу, Кора, возможно, потеряла бы к молодому Кроули интерес, но неопределенность ситуации таковой заметно подогревала.

Кора направилась домой завтракать, ей следовало поторопиться, поскольку к завтраку у миссис Левинсон опаздывать недопустимо, на каком бы континенте ты ни находился. Они все же встретились, Роберт Кроули тоже приехал прокатиться по Гнилому Ряду – посыпанной песком дороге, где, собственно, и совершали утренние верховые прогулки дамы, но удалось только раскланяться. Этого оказалось достаточно, чтобы щеки Кору порозовели, а сердце забилося чуть сильнее, чем следовало при езде спокойным шагом. Роберт невольно отметил великолепную посадку мисс Левинсон в седле и то, что она держится с большим достоинством. Милая девушка, но, к сожалению, американка.

Миссис Левинсон была несколько не в духе. В предыдущий день она устала от духоты и толчеи бала, плохо выспалась, что неудивительно, ведь на сон во время Сезона дамам отводилось не более пяти часов, была раздражена пасмурным небом и намечавшимся дождем, а особенно роскошным платьем мисс Эстер Марии Чэпайн, также дебютантки, посмевшей затмить всех.

Чарльз Ворт расстарался, и платье двоюродной праправнучки Джорджа Вашингтона действительно оказалось великолепным, к тому же самым дорогим в этом Сезоне. Это не могло понравиться честолюбивой миссис Левинсон.

Об этом платье сразу зашел разговор во время завтрака.

– Десять с половиной футов шлейфа! – вскидывала глаза к потолку миссис Левинсон, накалывая на вилку кусочек телятины. – Бедная девочка, ей приходилось думать только о том, как удержать все это на руке! А двадцатитрехдюймовая талия?! Боже мой, разве можно так отравлять единственное в жизни мероприятие?

Кора сомневалась, что матери и впрямь жалко восемнадцатилетнюю Эстер, но возражать миссис Левинсон опасно, к тому же мысли девушки невольно то и дело возвращались к Роберту Кроули. Его сестра Эдит Кроули тоже была представлена королеве. Кора видела на королевском приеме эту жизнерадостную девушку, которая была ей симпатична, и даже перебросилась с Эдит парой слов. Мелькнула мысль, что стоило бы познакомиться с леди Эдит Кроули

ближе, следующую мысль о том, что это знакомство упрочило бы знакомство и с ее братом, Кора старательно гнала.

– Кора, ты меня не слушаешь?

– Извини, мама, я просто устала.

– И все же нам предстоит нанести сегодня не менее четырех визитов. Как меня раздражает необходимость нелепых разъездов по чужим домам! Дома в двух шагах друг от друга, не то что у нас в Нью-Йорке, но пройти пешком нельзя, нужно непременно садиться в карету, потом, проехав сотню ярдов, искать возможность выйти на запруженной улице, чтобы, приложившись щекой к щеке хозяйки и выпив пару глотков остывшего чая, снова искать свою карету и отправляться дальше.

Леди Мэри Шелтон, в доме которой Левинсоны пребывали, рассмеялась:

– Марта, ты слишком придирчива и резка.

Миссис Левинсон вздохнула:

– Я устала и просто хочу домой.

– Я тоже, – неожиданно для себя согласилась Кора, которая еще минуту назад невольно размышляла, удастся ли им с Робертом Кроули еще встретиться и стоит ли ради этого ближе познакомиться с его сестрой и тетужкой.

Миссис Левинсон кивнула:

– Я подумаю над этим, Кора. Провести лето в сыром Лондоне – значит испортить цвет лица на целый год.

– Марта! Боже мой, ты несправедлива и к Лондону, и к здешнему лету. Тем более впереди столько интересных мероприятий – скачки, регата, балы...

– Однако нам пора ехать. Нужно нанести несколько скучных визитов, пройти по магазинам... Как меня утомляют лондонские магазины!

– Тебя утомляет в Лондоне все?

– Почти. Здесь просто тесно. Кора, поторопись, мы должны отправиться поскорей, чтобы скорей освободиться. Надеюсь, большинства скучных дам не окажется дома либо у них после вчерашней толчеи разболелась голова.

Это было типично для Марты Левинсон – перескакивать в разговоре с одной темы на другую и высказывать свое мнение вслух, мало заботясь о том, какое она произведет впечатление.

Когда, сделав шесть визитов вместо запланированных четырех, мать с дочерью вернулись домой, оказалось, что приезжала леди Маргарет и оставила визитку с приглашением на завтрашний обед. В коротенькой записке было сказано, что обед состоится в узком семейном кругу – только Кроули.

Нужно ли говорить, как подействовало на Кору такое сообщение?

Марта Левинсон вовсе не глупа и прекрасно понимала положение, в котором оказались они с дочерью. Сестра самой Марты Ава хорошо знакома с леди Маргарет, потому попросила приятельницу представить Кору ко двору. Миссис Маргарет Кроули просьбу выполнила, но более не намеревалась помогать племяннице своей американской подруги. То, что она вдруг изменила свое намерение, могло означать заинтересованность в Коре, вернее, в ее приданом.

Еще только решив везти дочь на «свадебную ярмарку», как называли Лондонский Сезон, миссис Левинсон навела справки обо всех мало-мальски подходящих возможных женихах, об их родословной и финансовом положении, а потому прекрасно знала, что Роберт Кроули один из самых привлекательных. То, что он оказался не слишком любезен с Корой на вчерашнем балу, могло свидетельствовать не столько об отсутствии интереса к ее дочери, сколько о нежелании Роберта Кроули связывать себя узами брака. Это поправимо, для такого есть родители.

Что ж, завтрашний обед у леди Маргарет мог стать для матери и дочери Левинсон судьбоносным. Отец давал Коре большое приданое, за которое стоило побороться, но миссис Левин-

сон не без оснований полагала, что побороться стоит и за сердце самой Кору, девушка не менее ценна, чем деньги ее отца. Даже сноб Роберт Кроули не мог быть уверен, что предпочтут его. Коре всего восемнадцать, это ее первый Сезон, торопиться не стоит.

Итак, завтра?

В поездку по Европе Левинсоны взяли с собой только одну горничную, поскольку у Кору не было своей, молода еще. В Париже и Вене как-то обходились, но в Лондоне для Кору наняли Анну, готовую последовать за хозяйкой в Нью-Йорк. Молодая, но очень толковая, к тому же спокойная и рассудительная Анна пришлась Коре по душе. Горничная знала и умела многое, ее произношение было лондонским, но без налета лондонского просторечия, а поведение полно достоинства.

– Мисс, вам завтра предстоит важный обед?

– Важный? – Кора постаралась сделать вид, что даже не поняла вопрос, но Анна уловила легкую заинтересованность хозяйки.

– Я хотела сказать, что с предыдущей хозяйкой бывала у леди Маргарет, и в Америке бывала тоже, хотя не в Нью-Йорке, а в Бостоне...

Кора вспомнила, что Анну порекомендовала им леди Маргарет, наверное, она знает девушку?

– А почему ты перестала работать у предыдущей хозяйки?

– Она вышла замуж и уехала в Индию. Там слишком жарко, к тому же мне не слишком... вернее, я не очень понравилась ее мужу.

Кора рассмеялась:

– Оказывал знаки внимания?

– Он всем оказывает. Простите, мне не следовало так говорить о супруге миледи...

– Ничего, это не страшно. Так что там у леди Маргарет особенного?

– Все просто и изысканно.

Дальше последовал небольшой экскурс в правила дома леди Маргарет и лондонских обедов в том числе. Высший свет Нью-Йорка все же был молод и заметно отличался от такового в Англии не только недавно нажитыми деньгами, но и большей либеральностью и, как ни странно, снобизмом.

Кора не стала говорить, что она и дома-то не бывала на вот таких обедах, поскольку считалась слишком юной. И старшей сестры, у которой можно бы разузнать тонкости светских приемов, у нее тоже не было. Но она внимательно слушала горничную, стараясь запомнить.

Сам объект интереса матери и дочери Левинсон в это время обедал с Эдвардом Коллинзом, с которым некогда вместе учился, а потом расстался, отправившись служить в Африку. В Судане Роберт попал под начальство Гарнета Уолзли, но принять участие в знаменитом неудавшемся спасении Хартума уже не успел. В Лондоне молодой Кроули проводил отпуск, которым ни разу не воспользовался за последние три года.

Его визави Эдвард Коллинз, напротив, все эти годы занимался семейными делами и финансами. Он женился на американке, как утверждал, счастливо, получил хорошее приданое и, что не менее важно, доступ в финансовые круги Америки и на Биржу, о чем теперь рассказывал приятелю почти с упоением.

– Роберт, ты должен побывать в Америке и посмотреть на эту страну своими глазами. Ты не вечно будешь глотать африканскую пыль и даже просто служить в армии. Я понимаю, боевой офицер и все прочее, но ведь ты единственный наследник и должен будешь принять Даунтон.

Они сидели в ресторане клуба, наслаждаясь обществом друг друга, свободой личной и финансовой. Роберт вдруг осознал, насколько прав старый приятель. Он действительно не сможет долго находиться в армии, не больше года, следовательно, надо получше узнать об управлении помещьем, о том, чем живет Даунтон и вся Англия вообще. Возможно, поэтому родители так настаивали на его женитьбе?

Вспомнил о попытке тетушки познакомить с американкой, невольно усмехнулся. Эдвард принял усмешку на свой счет, недоуменно приподнял бровь:

– Ты мне не веришь?

– Нет, Эдвард, я не о том.

Услышав о мисс Коре Левинсон, Коллинз чуть задумался.

– Она явно начинающая, во всяком случае, по Нью-Йорку я ее не помню. Но сам Левинсон весьма успешный биржевой игрок, из тех, кто зарабатывает за один день миллионы и также легко их теряет.

– Неустойчивое состояние? – чуть нахмурился Роберт. Неприятно узнать, что едва не стал заложником знакомства с семьей биржевого дельца.

– Нет, у мистера Левинсона и без Биржи есть чем похвастать, он приятель одновременно Асторов и Вандербильтов, если тебе это о чем-то говорит.

– Не говорит, – честно признался Роберт. Он на минуту отвлекся, делая заказ, поинтересовался, какие именно языки – бараньи или свиные – использует повар при приготовлении цыплят с языками, попросил свиные, спросил на десерт бисквит, смоченный вином с хорошо взбитым свежим силлабабом, сделал еще пару замечаний и вернулся к разговору с Эдвардом. – Я отстал от обычной жизни. Знаешь, там среди совсем иных проблем все видится иначе.

Эдвард, внимательно слушавший наставления Роберта по поводу приготовления его пищи, невольно рассмеялся:

– Отстал? И это говорит тот, кто только что дотошно выяснял, не вчерашний ли силлабаб ему подадут!

– Эдвард, это не гурманство, просто я пробуду здесь недолго, придется вернуться к своему месту службы, чтобы завершить ее достойно, а потому хочу насладиться хорошей кухней и возможностью лакомиться свежими взбитыми сливками, а не теми, что простояли на льду уже трое суток. Так что ты там говорил о Вандербильтах?

Роберта мало волновали проблемы богатейших американских семей, он спросил, чтобы отвлечь Эдварда от своей персоны и сделанного заказа.

Удалось, последовал рассказ о выросших, словно те же взбитые сливки, состояниях, построенных дворцах, пароходах, железных дорогах, целых городах и новой стране, сравниться с которой в Европе нечему.

– Ты должен приехать и увидеть все сам! Там новый подход ко всему, но прежде всего к деньгам. Деньги должны не лежать грузом, а делать деньги.

– Боюсь, как раз это мне малоинтересно, – вздохнул Роберт.

– Ты не прав. Придется заинтересоваться. Если ты и такие, как ты, не заинтересуетесь, Англия быстро скатится на задворки мира.

– Боюсь, что ты преувеличиваешь.

Эдвард явно горячился, и Роберт с трудом сдерживал улыбку из-за этой горячности. Коллинз всегда отличался излишне бурной демонстрацией эмоций, сдержанность не для него.

Беседовали долго, Эдвард рассказывал о своей жизни за океаном, снова и снова скатываясь к утверждению, что деньги должны работать.

Под его напором Роберту пришлось дать слово, что при первой же возможности непременно приплывет в Америку и своими глазами убедится, что все рассказанное не выдумки, экономическое чудо никакое не чудо, а человеческая энергия, не растроченная на болтовню, но вложенная в дело, и что подобный подход применим даже в таком консервативном месте, как Даунтон.

Подъехав к дому, он обнаружил леди Вайолет и Эдит садящимися в карету.

– Роберт! Ты забыл, что мы сегодня едем в театр, а потом к Кавендишам?

– Извини, мама, действительно забыл. Но, полагаю, папа вас сопроводит?

– Граф уехал в Даунтон, только его и видели! Хорошо, что лорд Лортон согласился выручить нас.

Кузен леди Вайолет лорд Лортон несомненная находка, он готов сопровождать дам когда угодно и куда угодно, хоть к портнихе или шляпнице, только бы не быть дома со своей сварливой супругой. Леди Арчибальд Лортон растолстела настолько, что сама из дома давно не выходила, а потому в качестве развлечения донимала мужа как могла, вот он и стремился ускользнуть.

– Отец оставил тебе записку. Джеймс, поехали, чего вы ждете?

Кучер Джеймс, конечно, ждал приказа графини. Но он был невозмутим подобно дворецким, годы службы у леди Вайолет приучили не обращать внимания на ее риторические вопросы, не требовавшие ответа.

Дворецкий мистер Блэйк передал Роберту оставленную графом Грэнтэмом записку. Отец сообщал, что уезжает в Даунтон, поскольку устал от светской суеты, и просил сына сопровождать леди Вайолет и Эдит на разные светские мероприятия.

Сам устал, а от меня требует, чтобы я женился, усмехнулся Роберт. Но он понимал, что отец прав.

Роберт попросил добавить света в библиотеку, намереваясь читать до самого возвращения матери и сестры.

В состоятельных особняках Лондона вернулись к свечам вместо газовых рожков. Считалось, что это из-за выгорания кислорода в комнатах, мол, из-за рожков душно, но острословы утверждали, что освещать особняки газом не престижно, он дешев и доступен даже семьям скромного достатка, а потому не подходит леди и лордам. Поговаривали, что в Америке уже почти все перешли на электрическое освещение, но Лондон опасался пожаров и медлил. В конце концов, это же особая роскошь – слуги, зажигающие и гасящие дорогие восковые свечи!

У Кроули было газовое освещение и в особняке в Мейфэре, и в Даунтоне, но не везде – спальни, кабинеты и библиотеки предпочитали освещать по старинке, хлопотно, зато надежно и менее вредно.

Оставляя дополнительный подсвечник, дворецкий передал напоминание леди Вайолет о завтрашнем обеде у Кроули:

– Леди Маргарет очень просила быть.

Роберт вздохнул:

– Спасибо, мистер Блэйк.

У тетушки какие-то новые планы по его поводу? Кого она нашла на сей раз?

Мысли невольно вернулись к мисс Коре Левинсон. Все же нужно найти способ как-то загладить неловкость, хотя несколько поздно. Весь день, даже беседуя с Эдвардом, Роберт не вспоминал американку, а теперь снова стало неловко. Решив попросить совет у леди Маргарет, которая стала невольной свидетельницей его конфуза, Роберт успокоился и открыл книгу.

Но почитать не удалось, он и страницу не перевернул, как снова пришел дворецкий – теперь с сообщением, что звонят из Даунтона.

– Мистер Бишоп срочно просит вас к телефону. Там что-то случилось.

Спускаясь по лестнице в холл к аппарату, Роберт мысленно усмехнулся: ох уж эти слуги! Мистер Блэйк дворецкий в доме Кроули на Чарльз-стрит в Мейфэре, мистер Бишоп дворецкий в Даунтоне, но создается впечатление, что они просто не существуют друг для друга или служат враждующим сторонам.

Вообще-то звонок мистера Бишоп вызывал тревогу, если звонил дворецкий, значит, что-то случилось с отцом. Роберт знал, что граф еще утром получил какое-то письмо, которое вовсе не доставило ему удовольствия. Во всяком случае, он вдруг засобирился в Даунтон.

Голос дворецкого был не просто взволнован, мистер Бишоп ничего не объяснял, просил только об одном:

– Ваша милость, вы должны срочно приехать. Как можно скорей.

У Роберта перехватило дыхание: ваша милость?! Обращение дворецкого к нему, как к графу, могло означать только одно... Почти прошептал, ужасаясь своей догадке:

– Граф Грэнтэм?!

– Да, ваша милость. Приезжайте, только пока никому ничего не говорите, прошу вас. Даже леди Вайолет.

– Я буду ближайшим поездом, мистер Бишоп, вышлите карету в Йорк.

Хорошо, что дворецкого отвлекли, и тот не слышал разговор, не пришлось объяснять. Роберт только написал записку матери и сообщил мистеру Блэйку, что срочно уезжает.

– Но ваш камердинер, милорд...

– Томас пусть пока остается здесь, я сообщу, если что-то будет нужно. Передайте леди Вайолет, что позвоню, как только приеду в Даунтон и узнаю, что там стряслось.

Он успел на ближайший поезд в Йорк буквально в последнюю минуту, а там его ждала присланная мистером Бишопом карета.

Нужно ли объяснять, насколько тревожно было на сердце у Роберта.

– Что случилось, Френсис? – без всякой надежды получить исчерпывающий ответ поинтересовался Роберт. Кучер вздохнул:

– Соболезную, ваша милость. Граф Грэнтэм... сердце... больше ничего не знаю, милорд.

Значит, все-таки сердце... Отец устал, причем еще до поездки в Лондон на Сезон. Видно, управление имением потребовало от него слишком больших сил. Роберт корил себя за то, что предпочел зализывать свои душевные раны далеко в Африке вместо помощи отцу. Было горько из-за потери близкого человека, и душила досада на себя за то, что оказался невольной, пусть не главной причиной, но одной из приведших к трагедии.

Оставалось неясным, почему мистер Бишоп попросил никому ничего не говорить, но над этим оглушенный горем Роберт не думал.

Йоркшир не Лондон с его ночной жизнью, здесь большинство жителей спит после полуночи, но кучер прекрасно знал дорогу, светила полная луна, потому катили быстро. В другое время Роберт полюбовался бы ночным Йоркширом, с удовольствием вдохнул напоенный травами чистый воздух после духоты лондонских бальных залов, порадовался возможности хотя бы часть года проводить в поместье, но сейчас не замечал ничего.

Отца не стало! Сознание этого давило виски, заставляя гудеть голову и не позволяя думать ни о чем другом.

Дворец Даунтона освещен слабо, неудивительно, ведь дома помимо мистера Бишопы остались лишь кучер, лакей, кухарка, готовившая для слуг, и две горничные. Остальные, даже экономка, получили отпуск либо уехали с хозяевами в Лондон.

В лондонском особняке на Чарльз-стрит в фешенебельном районе Мейфэр были свои дворецкий, экономка и штат прислуги. Конечно, часть слуг, например камердинеры и личные горничные, следовали за хозяевами из поместья в Лондон и обратно, но лакеи и простые горничные либо нанимались на Сезон, либо просто получали отпуска на время отсутствия Кроули там или там.

Мистер Бишоп встретил молодого хозяина у двери, поклонился:

– Соболезную, милорд.

– Мистер Бишоп, когда это произошло и как?

Вместо подробного ответа дворецкий попросил:

– Ваша милость, пройдемте в спальню графа.

Это только подтвердило подозрения Роберта, что не все так просто в смерти отца. Задавать вопросы не имело смысла, потому он поспешил за дворецким наверх. Лакей Николас подхватил небольшой саквояж Роберта и тоже направился на второй этаж, где находились спальни. Говорить в его присутствии не следовало тем более.

В спальне графа Грэнтэма их ждал врач семейства Кроули доктор мистер Оскар Мозерли и старый камердинер графа Чарльз Адамс.

Отец лежал на кровати в домашнем халате, надетом вместо сюртука, вытянувшись и словно во сне. Плотно прикрыв дверь за Робертом, дворецкий остался снаружи, будто желая сохранить какую-то тайну, которая должна открыться в спальне.

Так и было...

– Милорд, соболезную...

– Мистер Мозерли, когда это случилось, почему?

– Я должен вам кое-что показать, милорд. – С этими словами старый Мозерли жестом пригласил Роберта подойти к кровати и распахнул халат. На рубашке покойного слева расплылось красное кровавое пятно. Оно было небольшим, свидетельствующим о том, что выстрел произведен опытной рукой и точно в сердце, но оно было!

– Кто?! – в ужасе прошептал Роберт.

– Сам. Никто не знает, кроме нас троих и мистера Бишопа, прислуга полагает, что это результат сердечного приступа.

Роберт стоял оглушенный, не в силах постичь увиденное и услышанное. Отец покончил жизнь самоубийством? Но почему?!

Но ситуация требовала осмысления, причем срочного. Вот-вот вернутся домой после бала леди Вайолет и Эдит. Встревоженная запиской графиня непременно позвонит в Даунтон, и предстоит нелегкое объяснение...

– Милорд... если потребуется, я готов засвидетельствовать смерть от сердечного приступа...

Слова дались старому доктору нелегко, это предложение было преступлением, но он не хуже Роберта понимал, что произойдет, если о самоубийстве узнают в Лондоне.

Сейчас не важно, почему граф Грэнтэм совершил такой грех, разбираться предстоит позже, но важно понять, как скрыть горькую правду, от кого ее стоит скрывать и к чему все приведет.

Давая Роберту время обдумать свое предложение, доктор Мозерли продолжил:

– Граф совершил это в кабинете в кресле, мистер Бишоп и Чарльз готовы все убрать и скрыть следы произошедшего. Если вы решите не объявлять о... то это возможно.

– Но как же?..

Понятно, что именно Роберт имеет в виду – вопросы погребения.

– У вас фамильный склеп, думаю, в любом случае граф Грэнтэм заслужил быть погребенным в нем.

Несколько мгновений Роберт молчал, потом осторожно поинтересовался:

– Вы абсолютно уверены, что он принял это решение сам?

– Роберт... позвольте называть вас так по старой привычке... Роберт, вас в кабинете ждет предсмертная записка отца, она не была запечатана... Содержание, как и то, что произошло в действительности, тоже останется тайной, если вы того пожелаете.

Оставалось лишь вздохнуть. Каковы бы ни были мотивы страшного выбора отца, его не вернешь. Роберту не нужно объяснять, почему старый доктор и дворецкий пока скрыли самоубийство графа. Самоубийство – позор для семьи, а ведь Эдит только вышла в свет. О себе Роберт не думал, то, что из-за траура его собственная женитьба будет отложена как минимум на год-другой, вполне устраивало.

Все же он не решился бы скрыть, ложь для Роберта неприемлема, но внизу раздался звонок – это леди Вайолет, вернувшись с бала и обнаружив, что муж и сын вдруг уехали в Даунтон, желала знать почему.

Роберт шел к телефону, как на Голгофу. Мало того, что предстояло сообщить матери страшную новость, еще необходимо выбрать, должна ли это быть ложь во спасение или даже в таком случае лучше сказать правду.

– Роберт, ты обещал позвонить, как только приедешь... – В голосе леди Вайолет тревога, что неудивительно. – Что случилось?

– Папа...

– Что?!

– Сердце...

Говорить ничего не понадобилось, мать поняла главное – мужа больше нет на свете!

– О, бог мой!

Дальше в трубке слышались сдавленные рыдания, голос Эдит, паника слуг...

Вопрос рассказывать ли об истинной причине смерти отпал сам собой. Второго удара леди Вайолет не перенесла бы. Разговаривать тоже невозможно, коротко сообщив, что они с Эдит приедут утранным поездом, леди Вайолет положила трубку.

Услышав гудок отбоя, Роберт вздохнул с некоторым облегчением, объясняться с матерью было, несомненно, тяжело. Но то ли еще предстояло...

– Милорд? – Дворецкий явно ждал его решения.

Выбора все равно не осталось, Роберт кивнул:

– Да. Только нужно разобраться со всем поскорей.

– Мы закроем кабинет, а ключ будет у вас.

Опытный и разумный дворецкий взял все хлопоты на себя, Роберту осталось лишь разобраться с бумагами отца.

Он вошел в кабинет с ощущением, что может встретить там если не самого вдруг ожившего отца, то его тень, которая за что-нибудь строго взыщет. Конечно, кабинет был пуст, хотя свет трех свечей подсвечника освещал лишь небольшой круг, оставляя углы темными. В Даунтон провели газовое освещение только в залы для приема гостей, в кабинете, библиотеке и спальнях предпочитали пользоваться свечами. В этом был свой резон, газовые рожки потребляли столько кислорода, что приходилось то и дело проветривать комнаты, то есть выстуживать их в холодное время. Время электричества еще не пришло...

Кабинет хранил запахи отца – дым его любимых сигар, аромат хорошего лосьона... К большому столу, стоявшему ближе к окну (граф Грэнтэм любил дневное освещение и чистые стекла окон), страшно подходить. Неужели в том кожаном кресле у стола отец совершил страшное? Роберт понимал, что никогда не сможет сесть в кресло без содрогания.

Но окинув беглым взглядом весь кабинет, понял, что отец его пощадил – небольшое кресло у камина, обычно стоявшее в углу заваленным старыми газетами и журналами, накрыто большим пледом. Этим пледом отец пользовался в холодные дни, но сейчас тепло и камин явно не разжигали, ни к чему. Следовательно, там?..

Приподняв плед, Роберт понял, что не ошибся – спинка испачкана кровью, причем так, словно это сделали, когда поднимали тело из кресла. Поспешно вернув плед на место, подошел к столу. На нем, резко выделяясь на темном дереве, белел сложенный вдвое лист бумаги.

У Роберта чуть дрожали пальцы, когда он разворачивал лист.

Нет, тайны не было, граф Грэнтэм прошался со всеми, просил прощения за свой ужасный поступок, за то, что не всегда был добр и щедр... Свое решение свести счеты с жизнью объяснял сложившимися обстоятельствами, выражая уверенность, что Роберт во всем разберется, поймет его и простит. Благословлял дочерей и жену, просил сына позаботиться о матери и Эдит. Старшую дочь просил не судить его строго.

Что же заставило графа Грэнтэма, прекрасно понимавшего, как он осложнит своим поступком жизнь дорогих людей, принять столь страшное решение? Почему он уверен, что Роберт разберется и поймет отца?

Роберт обошел стол и с внутренним трепетом опустился в большое кресло. Черная кожа словно обволокла тело, приняв его, как ласковые руки. Забираться в это кресло он любил еще ребенком, позволялось такое изредка, а потому было особенно ценно. Роберт почувствовал, как горло перехватывает спазм, а на глаза наворачиваются слезы. Боевой офицер, не раз рисковавший жизнью, вполне способен расплакаться от отчаяния из-за невозможности повернуть время вспять. Он видел, как погибали в бою или умирали от ран молодые и сильные люди, достойные того, чтобы жить пусть не вечно, но долго и счастливо, понимал, что не все в этом мире справедливо, но смириться с несправедливостью внезапно, да еще и такого, ухода из жизни отца не мог.

Утром придут мать и Эдит, немного погодя к ним присоединится Розамунд – старшая дочь Кроули. Всем нужно объяснить трагедию. Пока Роберт ничего не сказал матери по поводу самоубийства отца, но он уже сделал решительный шаг, чтобы скрыть трагедию от полиции. Тело перенесли и уже переодели, написано свидетельство о смерти в результате сердечного приступа, осталось только убрать кресло и уничтожить этот белый лист, лежащий на столе...

Роберт понимал, что никогда не скажет ни слова о произошедшем чужим, но ему предстояло решить, должны ли знать правду мать и сестры. Он обвел взглядом кабинет и вдруг увидел все совсем иным, чем помнил с детства. Все привычно, но все иное...

Темно-красные тисненные обои на стенах, чуть светлее обивка дивана, на который они с Розамунд любили забираться с ногами, если отец позволял побыть в кабинете. Два шкафа с толстыми книгами в кожаных переплетах... Роберт знал, что в них – в одной родословная Грэнтэмов, то, что составляло многовековую гордость. Еще в одной записи о почти современных родственниках, в том числе о дедушке. И вдруг понял, что никогда, как бы это ни было опасно или преступно, не позволит записать в эту книгу, что его отец свел счеты с жизнью, выстрелив себе в сердце! А это значит, никогда не скажет ни слова матери или сестрам. Пусть тайну знают только те, кто уже знает.

И все же предстояло понять, что же заставило разумного сильного человека совершить суицид.

На столе связка ключей от ящиков стола и шкафов. Роберт попробовал подобрать ключ от верхнего ящика. Это удалось сразу, у отца в мелочах всегда был порядок. Мелькнула мысль: а в жизни? Получалось, что они все не знали чего-то главного, что в этой жизни было...

Открывая ящик, Роберт вдруг осознал, что теперь это ЕГО кабинет, он граф Грэнтэм и не будет больше никакой Африки, никаких военных походов, потому что ему предстоит заботиться о поместье, решать все вопросы, которые раньше решал отец. Пожалеть бы, что не интересовался ни отношениями с арендаторами земель, ни тем, откуда в Даунтон поступают деньги и куда тратятся. Но и жалеть некогда, за окнами уже начало светать.

Он нашел ответ довольно быстро – отсутствие денег. Неужели все ушло на оплату подготовки к Сезону? Тогда об этом ни в коем случае не должна узнать Эдит, она не простит себе трагедии, ведь ради нее затеяна вся суматоха в нынешнем году.

Но даже Роберту, мало разбиравшемуся в денежных вопросах, беглого взгляда на колонки цифр хватило, чтобы понять: нет, дело не в нарядах от Ворта. Они, конечно, разорительны, но не столь постоянны, чтобы деньги уходили, словно вода в большую воронку. Было что-то еще, однако разбираться уже некогда.

Главное, что Роберт понял: отец не пожелал признать себя банкротом.

Свечи догорали, но Роберту не пришлось звонить, чтобы принесли новые, камердинер отца Чарльз Адамс сам сообразил сделать это.

– Мистер Адамс, мне так жаль, что вам приходится брать на себя такой грех...

– Ваша милость, бывают случаи, когда лучше согрешить и покаяться в душе, чем не согрешить и всю оставшуюся жизнь винить себя. Я буду молчать, милорд.

– Спасибо. Вы можете оставаться в доме столько, сколько пожелаете. Если это для вас будет трудно, я выдам большое выходное пособие. Вы заслужили.

– Благодарю вас, милорд.

Выбор был сделан, теперь оставалось надеяться, что он правильный. В том, что трое верных отцу и теперь ему людей – доктор Мозерли, мистер Бишоп и мистер Адамс – не предадут, Роберт не сомневался, но как смотреть в глаза матери и сестрам?

Роберт сознавал, что скажи он леди Вайолет правду, мать поняла бы, а возможно, открыла завесу над какой-то семейной тайной. Но теперь поздно, он не сказал, значит, и тайну разгадывать придется самому, и отвечать за все тоже. За все и всех – за мать и Эдит, за Даунтон и многих людей, с ним связанных.

Для нового графа Грэнтэма наступало хмурое утро нового дня – первого дня без отца.

Кора почти не спала ночью, почему-то сильно волнуясь. Казалось бы, что такого – визит на обычный обед к леди Маргарет, сестре графа Грэнтэма? Разве мало было обедов даже в те месяцы, пока они путешествовали по Европе, и в самом Лондоне за последние недели тоже? Девушке пришлось признаться самой себе, что ее волнует возможность присутствия на обеде Роберта Кроули.

Пытаясь обмануть сама себя, она внушала, что это просто из-за незнания, как вести себя, если Кроули начнет извиняться за неловкость на балу. Воображение услужливо рисовало картины одна другой фантастичней.

Вот Роберт Кроули просто пытается извиниться, но не находит нужных слов, а она мило стиво улыбается:

– Ах, виконт, стоит ли вспоминать? Я давно забыла, забудьте и вы...

Или Роберт Кроули просит у нее беседу в саду, и они говорят наедине... легкое прикосновение руки... жар его губ, который чувствуется даже через перчатку... Он взволнован... речь сбивчива...

Боже мой, так недалеко и до объяснений в любви!

Кора осадилась сама себя: какой любви?! Она видела Роберта Грэнтэма всего трижды в жизни – дважды мельком, а один раз, когда он сумел задеть ее самолюбие. Мало того, представляя молодого человека, горячо целующего ее руку, она видела некий туманный образ, но никак не красивое лицо виконта. Оказывалось, что Роберт Кроули совсем ни при чем, а его присутствие в ее туманных мечтах не более чем реакция на обиду на балу.

И все же не думать о предстоящей встрече (возможной встрече!) с Робертом Кроули не получалось.

– Вот и хорошо! – решила Кора. – Поставлю его на место, в домашнем кругу это будет сделать проще. И вообще, пора домой.

С утра зарядил мелкий, противный дождик, даже не дождь, а сплошная серая морось, от которой таким же серым становилось все вокруг. Ехать кататься невозможно, смотреть в окно тоже, оставалось мысленно репетировать пререкания с Робертом Кроули.

В жизни редко случается, как планируешь.

«Ко времени обеда морось прекратилась, но сам обед не состоялся!

Услышав взволнованный голос матери внизу, Кора поспешила узнать, в чем дело.

– Ах, боже мой! Как я сочувствую молодому графу Грэнтэму!

Заметив дочь, миссис Левинсон возопила теперь уже в ее сторону:

– Кора, леди Маргарет прислала извинения, обед не состоится.

Кора едва сдержалась, чтобы не заметить ехидно: не потерял ли конь Роберта Кроули подкову, не укусила ли его самого бешеная собака... Хорошо, что прикусила язычок, потому что новость, сообщенная матерью следом, к едким шуткам никак не располагала:

– Умер граф Грэнтэм, брат леди Маргарет.

Умер отец Роберта!

– Как?! Когда?!

– Этой ночью в Даунтоне. Это все, что я знаю. Нужно послать им наши соболезнования.

«Леди Маргарет и остальным сейчас не до соболезнований», – подумала Кора. А еще подумалось, что действительно пора домой...

Эта же мысль засела и в голове миссис Левинсон, она вдруг вспомнила, что ее собственный супруг давным-давно один в Нью-Йорке, пока она с дочерью разъезжает по Европе. Ну, конечно, не один, мистер Левинсон себе в плотских и эстетических удовольствиях не отказывал, занимаясь меценатством по отношению к... симпатичным актрисам. Вместе с мистером Джеромом они практически содержали по несколько певиц и актрис.

Миссис Левинсон относилась к данной проблеме философски, полагая, что лучше точно знать, с кем муж проводит время, будучи твердо уверенной, что ради женитьбы на этой сопернице Левинсон с супругой не разведется. Актрисам можно дарить бриллианты и лошадей, помогать делать карьеру, оплачивая туры, приемы и роскошные туалеты, лошадей и даже любовников, но не жениться. Светские акулы куда опасней, эти способны заставить развестись, а развод означал не только потерю положения, но и сильное урезание в средствах. Нет уж, пусть остается как есть. Если у супруга хватает средств на актрис помимо удовлетворения любых дорогостоящих прихотей жены, пусть себе увлекается. Условия два: во-первых, делать все в рамках приличий, во-вторых, никаких незаконнорожденных детей!

Мистер Левинсон условия выполнял, а потому миссис Левинсон могла не волноваться.

Она и не волновалась... Ни в Италии, ни во Франции, ни дома, а вот в Лондоне вдруг поняла некую истину: высший свет очень капризен и не прощает малейшей тени на репутации. Как бы человек ни грешил, он должен делать это так, чтобы никто не мог обвинить. Возможно все, но за закрытой дверью.

Это результат всепроникающей викторианской морали, очень строгой и даже ханжеской. Не будучи в состоянии выполнять множество требований и соблюдать запреты, люди научились иному – скрывать нарушения. Лишь бы внешне все оставалось пристойно. Родственник, совершивший недостойный с точки зрения викторианской морали поступок или ведущий недостойную жизнь, бросает тень на всю фамилию.

Поведение мистера Левинсона для Лондона было бы совершенно недопустимо, и нет никакой гарантии, что его образ жизни не скажется на отношении к его дочери.

Миссис Левинсон вдруг показалось, что она разгадала тайну нелюбви лондонского света к американцам и к ней лично. Завидуют! Конечно, они просто завидуют ее финансовой и личной свободе. Кто еще из леди может позволить себе уехать на полгода за океан, чтобы отдохнуть от мужа? Кто из этих чопорных индюшек может телеграфировать мужу с требованием оплатить пачки тысячных счетов или купить дом в Париже просто потому, что там нужно где-то останавливаться во время примерок у Ворта? Конечно, у Чарльза Ворта каждой состоятельной заказчице соответствует нанятая манекенщица с подходящей фигурой, но Париж хорош и без примерок...

Миссис Левинсон стало скучно, она осознала, что, даже выдав замуж свою Кору, не станет частью лондонского высшего света. Если честно, и становиться расхотелось. Кора права: пора домой!

Леди Шелтон изумилась принятому решению, не поверив патетической тираде Марты Левинсон о тоске по брошенному (ради дочери!) мужу. Но недоверие кузины, как и мнение скучного лондонского света, мало волновали миссис Левинсон, тем более она привыкла исполнять любые свои желания. Можно не сомневаться, что, если бы посреди плавания в Америку миссис Левинсон вдруг передумала, капитану пришлось пересаживать ее на идущий в Европу корабль.

Только так и надо жить, иначе зачем жить вообще?! – девиз миссис Левинсон был прост и незыблем.

Два билета на ближайший рейс, на котором имелись каюты класса люкс, оказались приобретены в тот же день, а мистеру Левинсону отправлена телеграмма с заверениями в сердечной тоске и скуке местного общества. Телеграмма не нашла мистера Левинсона в Ньюпорте, где заканчивалась отделка их шикарного особняка, и в роскошном отеле для любителей скачек его тоже не было, хотя отель принадлежал самому Левинсону. Просто меценат повез очередную протезу в Лос-Анджелес, чтобы показать тихоокеанское побережье, которому прочил большое будущее. А если мистер Левинсон что-то кому-то или чему-то прочил, он вкладывал в это огромные деньги, и результат не заставлял себя ждать.

Так было со строительством своего оперного театра в Нью-Йорке, когда директор прежнего опрометчиво отказал Вандербильту, Джерому и Левинсону в отдельных ложах. Обиженные ценители прекрасного скинулись, привлекли себе подобных и выстроили огромное здание Метрополитен-оперы. Теперь уже там считали за честь купить ложу самые сливки нью-йоркского общества.

Миссис Левинсон могла бы, конечно, подождать, когда супруг придет за ними собственную океанскую яхту, которая ненамного уступала самой большой яхте Вандербильтов, но если Марта Левинсон что-то задумала, ждать, когда судно пересечет океан, она не могла. Можно бы просто купить себе корабль или на худой конец яхту в Европе, но миссис Левинсон рассудила, что это долго и хлопотно, потому выбор был сделан в пользу обычного средства преодоления океанских просторов – каюты класса люкс на соответствующем лайнере.

– Потерпим, дорогая, – со слезами на глазах обратилась Марта к дочери. Коре было все равно, она согласилась потерпеть, опасаясь только одного – чтобы корабль не пошел ко дну под грузом их багажа. Но оказалось, предусмотрительная Марта отправила багаж давным-давно.

– Я не намеревалась вечно развлекать эту скучную лондонскую публику!

Конечно, главной причиной было неприятие лондонской публикой самой миссис Левинсон, но догадываться об этом не стоило. И снова Коре было все равно, она вдруг осознала, что очень соскучилась по Нью-Йорку, дому на Пятой авеню, по Ньюпорту, лошадям, даже вредному братцу, с которым вечно спорила. И по стряпне их кухарки чернокожей Нэнси соскучилась. Никто не умеет так вкусно готовить, как Нэнси, обученная лучшими французскими поварами. До зуда в ладонях захотелось взять в руки ракетку и сыграть в теннис с Хьюго Невилом, молодым, влюбленным в нее напарником отца.

Да что там, просто хотелось домой!

Теперь замечание Роберта Кроули, ставшего графом Грэнтэмом, и ее обида казались мелкими и недостойными даже упоминания. Конечно, ему стоило следить за своими словами, но ей не следовало обращать на этого сноба внимания.

Лондон не принял их, и они не приняли Лондон.

В тот день, когда состоялось погребение лорда Александра Кроули, шестого графа Грэнтэма, миссис Марта Левинсон и ее дочь мисс Кора Левинсон поднялись на палубу «Сити оф Берлин», чтобы пересечь Атлантику по пути домой в Нью-Йорк.

«Что ж, каждому свое», – вздохнула Кора Левинсон, глядя на тающие в тумане берега Англии, хотя что-то подсказывало ей, что она еще вернется, и не просто вернется, но станет своей в этом мире сдержанных снобов и тотальных правил приличия.

Глава 2

После похорон прошло достаточно времени, те, кто приезжал, чтобы отдать последние почести лорду Кроули, отбыли в Лондон или в свои поместья, жизнь потихоньку возвращалась в привычное русло. В Даунтоне осталась только леди Розамунд, старшая дочь леди Вайолет. Она срочно вернулась из Европы и обещала пожить рядом с матерью пару месяцев. Роберт был рад, что сестра взяла на себя заботу о леди Вайолет потому, что не знал, как утешать мать, вернее, не знал, как это делать, не выдав страшной тайны.

Такой потерянной леди Вайолет не видели никогда. Она двигалась, что-то говорила, даже изображала на лице улыбку, но улыбка получалась вымученной, и все понимали, что рядом присутствует только тень графини Грэнтэм, но не она сама. Это было настолько необычно, что окружающие поневоле притихли.

В Англии несколько стадий траура, во всяком случае, для вдов и близких усопшего. Самый строгий – глубокий, который длился год и месяц. Во время него не позволительно никаких других цветов в одежде, кроме тусклого черного и скромного белого в виде воротников, манжет и чепца. О развлечениях или визитах неприлично даже думать.

Викторианская мораль на несколько лет прочно привязывала вдову к умершему мужу, после тринадцати месяцев глубокого траура следовали еще три раза по полгода, когда строгие требования к одежде постепенно смягчались и в нее добавлялись некоторые цвета.

Пример прекрасному полу подавала королева, проведшая в глубоком трауре все годы после смерти обожаемого супруга.

Послушные требованиям викторианской морали дамы носили траур не только в случае вдовства, но и после смерти родственников, друзей и даже членов королевской семьи. Конечно, он не был столь долгим и строгим, но иностранцы невольно отмечали слишком много тусклых и даже мрачных нарядов в лондонском высшем обществе. И все же даме лучше носить тусклое платье, чем привлечь осуждающие взгляды. Что может быть хуже таких взглядов? Только шепот за твоей спиной...

Леди Вайолет явно намеревалась почтить память супруга строгим трауром. В черный креп оказался затянут словно сам Даунтон.

Переживали слуги, ведь к лорду Кроули относились хорошо, он был добрым и нескупым хозяином, пусть и не знавшим слуг поименно, но никогда не унижавшим их. Никто не сомневался, что молодой Кроули будет не хуже, однако назревали большие перемены. Из-за долгого траура леди Вайолет наверняка предпочтет жить в поместье, не тратя средств на содержание огромного лондонского дома. Это означало сокращение персонала. Да и в самом Даунтоне в ближайшие годы, если не будет приемов и гостей, не нужно так много лакеев и горничных.

Даунтон давал работу не только тем, кто убирал, чистил, мыл, подметал или выгуливал лошадей, но и тем, кто поставлял в его кухню продукты, привозил почту, косил сено для лошадей, выращивал овощи и выполнял еще массу необходимых дел. В лучшие годы в поместье трудилось до двух десятков горничных, полутора десятков лакеев, множество садовников и конюхов, не считая наемной на время праздников прислуги. Теперь такого не было, но все же...

Кроули считали своей обязанностью обеспечивать работой округу, потому не скупилась ни на наем слуг, ни на оплату их труда. Как будет теперь? Кто-то получит расчет, некоторые уволятся сами, новых слуг просто не станут нанимать даже на время.

Разговоры об этом велись в кухне каждый день.

Камердинер покойного графа Чарли Адамс решил уйти на пенсию, все же ему немало лет и есть кое-какие накопления. В ближайший день разговор зашел именно об этом.

– Мистер Адамс, а где вы будете жить? – поинтересовалась младшая горничная Мэри, деревенская простушка, первый год служившая в Даунтоне, которую даже в Лондон не взяли

из-за явного неумения держать язык за зубами, а любопытный нос подальше от того, что ее не касалось.

Бывший камердинер только пожал плечами:

– У меня есть домик в графстве Суррей. Достался от тетки, пока он в аренде, но договор скоро заканчивается.

Мэри не такая уж простушка, глаза заблестели неподдельным интересом.

На нее покосилась экономка мисс Эрлин, страшно не любившая болтливых слуг. Такие обычно плохо работают. Конечно, у девчонки все горит в руках, она сообразительна и ловка, но слишком вертлява и болтлива.

– Мэри, если тебе нечем заняться, кроме болтовни, помоги мне разобрать гардероб ее милости в шкафах на верхнем этаже. Леди Розамунд привезла всего одно траурное платье, которое нужно почистить. На это время ей потребуется замена.

– Бедная леди Розамунд, она так не любит черный цвет, – заметила девушка, припустив за экономкой. Ей любопытно сунуть нос в шкаф с нарядами хозяйки.

– Мэри! Разве есть те, кто любит траур?

– Но леди Розамунд совсем не идет черный, у нее иной цвет кожи, чем у леди Вайолет.

– Белый воротник способен поправить дело.

– Да, белые воротники у многих леди куда больше, чем следовало бы при трауре, – хихикнула Мэри.

Мисс Эрлин оглянулась на младшую горничную, словно предупреждая, чтобы та говорила потише, но Мэри не заметила, она смотрела под ноги – лестница на верхний этаж, где стояли шкафы с неиспользуемой одеждой, крута.

Ох, эти молоденькие горничные! Когда в дом нанимали саму Дженни Эрлин, первое, чему постаралась научить ее тогдашняя экономка мисс Блумер – умению держать язык за зубами. Слуги должны быть невидимы и неслышимы для хозяев, глухи и слепы в их присутствии во всем, что не касается выполнения непосредственных обязанностей, и молчаливы с другими слугами. Не соблюдай эти правила Дженни, она ни за что не стала бы мисс Эрлин. Не умеющие держать языки за зубами, а свое мнение при себе так и остаются младшими горничными и вторыми лакеями, у них нет шансов подняться до дворецкого или экономки, болтунов не допустят до должности личной горничной или камердинера. Одна из главных обязанностей близких к хозяевам слуг – способность хранить их тайны.

Говорят, в Лондоне есть даже закрытое общество для слуг, где те выбалтывают другим секреты своих хозяев и составляют черные списки. Попавшему в такой список хозяину трудно нанять слугу, поскольку никто не захочет идти к нему в услужение. Но и слуге, которого хозяин заподозрил в принадлежности к клубу, найти работу невозможно, поскольку он ни за что не получит хорошую рекомендацию, а без таковой двери всех приличных домов будут закрыты.

Мисс Эрлин служила в доме графа Грэнтэма уже три десятилетия, она видела нынешнего молодого графа совсем ребенком, а его мать – леди Вайолет – молоденькой невесткой весьма строгой и своеобразной ныне покойной графини Грэнтэм, бабушки нынешнего графа. Сменились хозяева – леди Вайолет стала леди Кроули графиней Грэнтэм, а теперь вот вдовствующей графиней Грэнтэм, сменилось и большинство слуг, но принцип Даунтона остался неизменным. Этот принцип прост – тот, кто желает считать себя частью Даунтона даже в качестве его прислуги, должен соответствовать высоким требованиям.

Она настолько задумалась о правилах поведения слуг в доме, что не заметила, что давно стоит перед шкафом с одеждой, держа в руках ключ. Мэри за спиной с опаской косилась на экономку, не понимая, что случилось.

Неожиданно даже для себя мисс Эрлин повернулась и строго произнесла:

– Мэри, если ты продолжишь болтать все, что придет в голову, то, боюсь, долго в Даунтоне не продержишься. Не стоит этого делать.

Горничная как-то слишком быстро опустила глаза, что вызвало подозрение.

– Тебе не нравится в Даунтоне?

– Нет, мисс Эрлин, нравится, но...

– Что «но»? Не рассчитывай на особое внимание мистера Адамса, он не из тех, кто увлекается молоденькими горничными. И мистеру Адамсу не до женитьбы.

– Я... вовсе я не рассчитываю! Он старый.

– Вот именно! – недовольно посмотрела на девушку экономка. – У мистера Адамса дочь старше тебя.

– До-очь?.. – разочарованно произнесла Мэри.

– Да, и двое внуков. А чего ты ожидала? Мистер Адамс стал камердинером графа, уже овдовев.

– Но ведь дочь замужем и живет отдельно?

– Мэри, – сокрушенно покачала головой мисс Эрлин, – займись лучше делом.

Они разобрали платья, прикидывая, какие можно переделать в соответствии с нынешней модой, а с какими придется расстаться. Девушка не выдержала:

– Столько всего! Часто ли это надевали?

– Редко, некоторые лишь однажды. Хотя леди Вайолет не транжира, она просто обязана менять, например, бальные платья, тем более если кардинально меняется мода.

Нашелся целый ворох траурной одежды, хотя возможность переделать ее под нынешние модные веяния сомнительна, отобранное мисс Эрлин решила отправить вниз, чтобы леди Розамунд посмотрела и распорядилась, как поступить с тем, что категорически не подойдет.

Понадобилась помощь двух лакеев. Мэри сокрушенно вздыхала:

– Как мне нравятся эти турнюры! И к чему от них отказываться?

Лакей Джон, помогавший нести платья, усмехнулся:

– Как в таком ходить и сидеть?

– Не садись! – фыркнула горничная, словно замечание сделано ей лично.

– Я-то? Мне-то что? Леди жалко, стоят бедненькие, как не посмотришь, или сидят на самом краешке стула, того и гляди свалятся.

Это была правда – турнюры при всем великолепии невыносимо неудобны для их обладательниц.

Обсудить неудобство турнюра слугам не удалось, попались на глаза дворецкому.

– У вас продолжается отпуск или вы вообще решили уволиться? Тогда почему я об этом ничего не знаю?

– Нет, мистер Бишоп, мы просто несем платья из шкафов вниз, чтобы леди Розамунд могла выбрать что-то для переделки, – затараторила Мэри.

– И это нельзя делать молча?! – Голос мистера Бишоп почти загромычал.

Пискнув, как мышка, застигнутая котом в кухне, Мэри помчалась прочь от рассерженного дворецкого. Джон припустил за ней, досадуя, что ввязался в разговор с горничной.

Мистер Бишоп был раздосадован: неужели слуги почувствовали слабинку и распустились? Это очень плохо, поскольку дисциплина прислуги забота дворецкого и экономки, а не хозяйина, то есть здесь их с мисс Эрлин недоработка. Нужно что-то делать с этой болтушкой Мэри, а лакеям строго указать, что бескостный язык младших горничных вовсе не означает и их распушенность.

Молодой граф Грэнтэм, конечно, не делает замечаний, он вообще непривередлив, но это не означает, что в доме можно работать спустя рукава.

Роберт как раз поднимался по лестнице на второй этаж то ли в кабинет, то ли в свою спальню.

– Милорд, у вас будут какие-то распоряжения или пожелания?

– Нет, мистер Бишоп. Вернее, если я не должен что-то срочно подписать или решить, то пусть все идет так, как заведено. Меня вполне устраивает порядок, который вы поддерживаете в доме, искренне благодарен вам за прекрасно выполняемую работу и обязательно поблагодарю еще раз позже. Просто... мне нужно обдумать ситуацию.

– Конечно, ваша милость. Пока не требуется вашего срочного вмешательства.

Нет так нет. Даунтон впал в спячку и, похоже, надолго...

Роберт и сам понимал, насколько странно выглядит его отстраненность от ситуации, но ничего не мог с собой поделать. Чтобы что-то решать, нужно разобраться в положении дел в Даунтоне, понять, почему отцу не хватало денег при, в общем-то, благополучном состоянии поместья. Но для этого нужно идти в кабинет и снова садиться за стол, открывать ящики, изучать документы.

Умри отец и впрямь от сердечного приступа, Роберт сумел бы справиться со своими чувствами, но к горечи от потери близкого человека добавлялась горечь от тайны, с ней связанной. Начинало казаться, что он поступил неправильно, даже низко, что предал память об отце.

Что, если это все-таки было убийство? Нет, он не подозревал ни мистера Бишоп, ни доктора Мозерли, но отца могли довести до самоубийства. Роберт помнил, что в день гибели отец получил какое-то письмо. Где оно? Что там?

Возможно, ответы есть в ящиках стола в кабинете. Требовалось открыть их и внимательно изучить содержимое, но заставить себя сделать это очень трудно.

Шли день за днем, но он никак не мог заставить себя открыть отцовский кабинет и заняться разбором его бумаг. Почему? Интуитивно чувствовал, что может найти там нечто, что изменит его представление если не о самом отце, то о жизни, которую тот вел.

Роберт был даже рад, что отсутствует управляющий поместьем мистер Симпсон, отправившийся в Австралию навестить заболевшую сестру. Получив телеграмму о смерти графа Грэнтэма, мистер Симпсон сообщил, что немедленно выезжает, но от Канберры до Лондона слишком далеко. Новый граф Грэнтэм пытался обмануть себя тем, что ждет возвращения управляющего, чтобы прояснить некоторые вопросы у него. Возможно, мистер Симпсон даже знает или хотя бы догадывается о причине, побудившей графа совершить самоубийство.

Следующие два дня Роберт бродил по Даунтону и его окрестностям, благо погода сменила гнев на милость и порадовала настоящим теплом и солнцем. В Англии сентябрь часто бывает куда лучше летних месяцев...

Сначала он вспоминал счастливые детские годы, шалости, которые совершались то тут, то там, а также дни каникул и праздников, проведенные в поместье, отца, дедушку и бабушку... Детство у всех счастливое, даже если в действительности оно ужасное, нищее и голодное. Просто дети не знают другой жизни и умеют находить радости там, где взрослые увидят только заботы.

А если ребенок окружен любящими родными, няньками, воспитателями, заботой и лаской, и немалым достатком, в таком случае даже розги через два десятка лет кажутся если не благом, то смешным происшествием.

Роберт был строптивым ребенком, не умеющим, вернее, не желавшим скрывать свои проступки, как это делал его двоюродный брат Джеймс, потому бывал наказан куда чаще, но сейчас эти наказания действительно выглядели милыми неприятностями, тем более его никогда не пороли по-настоящему, только грозили.

Довольно скоро благостное, хотя и грустное из-за кончины отца, настроение Роберта сменялось настроенным унынием. Уже много лет он видел Даунтон либо празднично украшенным, либо в такие дни, когда его меньше всего волновало состояние оконных рам или потолочных балок. Теперь став хозяином поместья, Роберт вдруг заметил, что Даунтон давно требует ремонта, если они не хотят потерять часть внутренней отделки. В центральном корпусе и пра-

вом крыле, конечно, сырости не было, но из окон заметно дуло, старые рамы не справлялись с порывами ветра.

– Мистер Бишоп, сколько у нас окон?

Дворецкий почувствовал смущение от того, что не мог точно ответить на вопрос молодого хозяина.

– Милорд, я не считал... Но это можно сделать. Высоких в бальной зале и...

– Не трудитесь, это не столь важно. Я приглашу архитектора, который все сочтет сам, это его работа.

Мистер Бишоп хорошо умел прятать эмоции, но даже у него промелькнуло легкое сожаление после слов графа. Роберт заметил, но отнес это к слишком большому объему предстоящей работы. Конечно, страшно даже подумать о том, чтобы отремонтировать такой огромный дворец, как их Даунтон!

– Мистер Бишоп, мы не станем производить работы во всем доме сразу. Обновим сначала одно крыло, потому другое... Кстати, продумайте, что нужно изменить в кухне и комнатах слуг, там наверняка проблем не меньше, чем в левом крыле.

– Да, милорд.

И непонятно, к чему относится это «да» – к согласию подумать или к проблемам.

Все же он заставил себя войти в кабинет и сесть за отцовский стол. Открыл ящики стола, одну за другой перебрал все лежавшие там бумаги, что-то бегло проглядывал, что-то внимательно изучал...

Час за часом три дня с перерывом на обед, ужин и короткий сон, надеясь, что найдет подсказку, но не находил. Иногда сжимал голову руками:

– Что же случилось, отец? Почему ты был так уверен, что я докопаюсь до сути, но не оставил ни единой зацепки для этого?

Приходные и расходные книги поместья... все в порядке, Даунтон довольно крепкое поместье, не самое богатое, не самое доходное, но это не удивительно, если вспомнить три неурожайных года, когда арендаторы были просто не в состоянии ничего платить, многие разорились и стали наемными рабочими, переселились в город, чтобы трудиться на фабриках.

– Не то, все не то...

Судя по отчетности управляющего, на счетах у отца должна бы скопиться солидная сумма, доходы превышали расходы даже с учетом немалых трат на содержание Даунтона и подготовку к Сезону. Что же тогда беспокоило отца и почему он столько лет не ремонтировал дворец?

Роберту уже снились колонки цифр, перед глазами стояли счета, приход, расход...

Леди Вайолет заметила старания сына, во время ужина бесцветным голосом поинтересовалась:

– Роберт, ты решил заняться Даунтоном?

– Да, мама.

– Рада это слышать. Постарайся не обращать на меня внимания, дай мне немного времени, я смогу взять себя в руки и помочь тебе.

– Буду рад.

Они ужинали вдвоем, Розамунд лежала с мигренью, а Эдит задержалась в деревне, правда, пообещав появиться к вечернему чаю.

Роберт пытался придумать, как сказать матери о своих сомнениях. В конце концов решил.

– Ты не знаешь, что за письмо отец получил утром в день своего отъезда из Лондона?

– Кажется, от мистера Уайльда.

Понадобилось усилие, чтобы скрыть волнение. Мистер Уайльд банкир графа Грэнтэма, неужели он знает, в чем дело? А мать продолжила:

– Думаю, письмо сохранилось в кабинете в Грэнтэмхаусе.

Роберт с трудом взял себя в руки, но мать заметила его волнение:

– Почему тебя беспокоит это послание?

– Что-то же должно было заставить отца так разволноваться, что...

– Нет, не письмо.

– Почему ты так уверена? – Он даже чашку с чаем отставил, чтобы не было заметно дрожание пальцев.

Леди Вайолет тоже поставила свой чай на столик.

– Роберт, я отправилась в кабинет сразу, как перестала лить слезы ручьем. В письме мистер Уайльд только сообщал, что проведет ближайший месяц в Европе. Делами в это время будет заниматься его помощник мистер... не помню имя. Ты подозреваешь что-то?

– Просто пытаюсь понять.

– Прости, но полагаю, что лучше заняться вопросами аренды и прочим. Графа Грэнтэма уже не вернешь, а поместье требует постоянного присмотра, тем более мистера Симпсона нет в Даунтоне.

Роберт видел, как леди Вайолет буквально на глазах выходит из заторможенного состояния, в котором была столько времени. Это не могло не радовать, вид безвольной леди Вайолет мог ввергнуть в депрессию кого угодно.

– Я тоже так думаю. Но все же съезжу в Лондон, напишу прошение об отставке и встречу с мистером Уайльдом, если он уже вернулся в Лондон.

– Постарайся вернуться поскорей.

Роберт повернулся к дворецкому, привычно стоявшему позади с совершенно отсутствующим видом:

– Мистер Бишоп, нас с Томасом нужно отвезти к дневному поезду. Вы найдете на чем?

– Да, ваша милость. Сказать Томасу, чтобы он собрал ваши вещи, милорд?

– Томас всегда готов, но передайте, вдруг он решил сегодня ночью куда-то сходить?

Когда перешли в гостиную, чтобы слуги могли убрать посуду после ужина, леди Вайолет покачала головой:

– Ты слишком балуешь своего камердинера. Разве можно позволять так часто отлучаться?

– У нас с Томасом особенные отношения. Он столько раз спасал мою жизнь, что требовать от него чего-то или за что-то укорять не поворачивается язык.

– Ты едешь в Лондон? – Эдит услышала последние фразы.

– Да, дорогая. Тебе что-то нужно в Грэнтэмхаусе?

– Роберт, привези мне свежий номер «Кэсселлса»? – Глаза Эдит блеснули, как у ребенка, которому могли купить заветную сладость. Роберт улыбнулся:

– Конечно, дорогая.

А вот мать уставилась на Эдит своим знаменитым немигающим взглядом:

– Эдит, мы же в трауре?!

– Я не собираюсь шить ничего нового, только посмотрю. Мне очень нравятся рисунки новых платьев.

– Моя дочь модистка! – патетически возвела взор к потолку Вайолет и тут же опустила его в пол. Потолок давно требовалось подновить и привлечь к нему внимание даже красноречивым совсем по иному поводу взглядом не стоило.

Впрочем, ковер на полу тоже не радовал. Дворец Даунтона требовал обновления от фундамента до крыши, он возведен на века, но и самым прочным постройкам требуется косметический ремонт. Разговор об этом с мужем у Вайолет заходил не раз, но денег не находилось.

Она так задумалась, что пропустила мимо ушей возражение Эдит:

– Все не модистка, а художник! Сейчас женщинам доступны многие профессии.

Только рассеянность матери позволила леди Эдит обойтись без внушения по поводу глупостей в голове младшей дочери. Суффражистских идей в своем доме леди Вайолет допустить не могла, даже если их высказывала собственная дочь. Тем более если их высказывала собственная дочь!

Прогулки Эдит по окрестностям в сопровождении кого-то из лакеев, а то и двух, груженных мольбертом и ящиком с красками, в поисках природы – это одно, но идея заниматься живописью профессионально и всю жизнь!.. У Эдит определено способности, однако матери ее «мазня» категорически не нравилась, в ней отсутствовала тщательность старых мастеров, скорее цветковые пятна, «настроение», как называла это сама начинающая художница. Мать была более категорична:

– Мазня!

Вайолет безразлично, что это новый стиль. Она предпочитала «менее размазанную» живопись, которую не стыдно продемонстрировать в салоне приятельницам. И готова нанять для Эдит достойного учителя. Только где их взять, достойных? Дважды попадались такие же мазилы, которым впору заборы красить, потому разговоры об увлечении Эдит живописью леди Вайолет раздражали, а когда ее что-то раздражало...

Роберт незаметно вздохнул. В семье все по-прежнему... Поэтому когда Эдит сказала, что пойдет к себе, Роберт был даже рад. Они остались с леди Вайолет одни.

В малую гостиную, где они сидели у камина, вошел дворецкий с вопросом, не нужно ли еще чего-то.

– Если вы предупредили Томаса и конюха, то мне ничего больше не нужно. Я разденусь сам, Томас может идти по своим делам, коих у него всегда в избытке.

Роберт знал, о чем говорил, у Томаса в каждой деревне, где они останавливались, тут же возникала дюжина романов, за что камердинер даже бывал местными кавалерами бит. Но Томас неисправим, Роберт не сомневался, что ловелас уже назначил кому-нибудь свидание.

Леди Вайолет поморщилась, она вовсе не приветствовала панибратские отношения сына с его слугой, но пока ничего не говорила против, считая, что всему свое время. Больше Томасу не придется спасать жизнь своего хозяину, значит, и отношения изменятся.

– А Арчер пусть подождет меня, я позвоню, когда освобожусь.

Пожелав хозяевам доброй ночи, Бишоп величаво удалился. Конечно, горничная миледи подождет ее. А потом, уложив хозяйку, еще приведет в порядок одежду, приготовит все для следующего дня и только тогда отправится отдыхать сама, чтобы рано утром быть готовой по первому звонку предстать перед миледи бодрой и собранной. Слуги не имеют права спать столько же, сколько хозяева, особенно личные горничные или камердинеры. У них не бывает выходных, не может болеть голова или зуб, не может быть личной жизни.

Но если они согласны, то оказываются на ступеньку выше остальных слуг, не считая, конечно, дворецкого и экономки. Камердинера и личную горничную величают по фамилии, и даже говорят им мистер и мисс. То, что Томаса хозяин зовет по имени, скорее свидетельство их особых, почти дружеских отношений. Но мистер Бишоп предпочитал об этом не думать, у него хватало и своих забот.

Молодой граф решил осмотреть закрытую часть дворца и пришел в ужас, хотя постарался этого не показывать. Было от чего. Дворецкий надеялся, что хозяева пробудут Сезон в Лондоне, тогда можно будет сократить расходы на содержание Даунтона и пустить их на подновление тех же оконных рам, но лорд скоростижно скончался, и никакого Лондона не будет. Миледи в трауре, ей не до визитов и приемов. Значит, придется крутиться, чтобы зимой отапливать хотя бы центральную часть и правое крыло как полагается.

Но большой дворец требует не только большого количества дров, слуг тоже нужно много. Если не зачехлять люстры, то с них нужно вытирать пыль, чтобы топить камины, нужны слуги, чтобы чистить их тоже...

Почему бы хозяевам не ограничиться малым домом? Дауэрхаус вполне приличный особнячок, в котором достаточно спален для их небольшой ныне семьи, можно прожить зиму. Комнат для слуг маловато, и кухня тоже непривычно мала, но уж это не проблема. Слуги как-нибудь разместятся по двое в комнате, а кухарке мисс Бикет не придется готовить для стольких гостей, как бывало раньше.

Об этом шла беседа и у леди Вайолет с сыном.

– На время работ мы могли бы переехать в Дауэрхаус. Нам троим места будет достаточно, а гостей пока не предвидится. Под предлогом ремонта можно никого не приглашать.

Леди Вайолет несколько секунд молча смотрела на пламя камина, потом вздохнула, что с ней бывало не так часто.

– Роберт, мы, конечно, можем переехать в Дауэрхаус и пожить там, но, боюсь, проблем Даунтона это не решит.

Мать подтверждала его худшие опасения: отец не ремонтировал Даунтон не потому, что не желал, а потому, что не было средств.

– Неужели все так плохо?

– Не знаю насколько, твой отец не очень любил делиться неприятностями, но, полагаю, гораздо хуже, чем ты ожидаешь. Думаю, требуются большие деньги...

– Я намерен встретиться и с мистером Уайльдом, коль скоро он вернется в Лондон. Если нет, то пусть архитектор оценит объем работы, буду знать, сколько мне нужно срочно заработать. Проект хорошо бы иметь сейчас, чтобы весной начать работы, иначе мы и к осени не успеем закончить.

– Это единственный повод ехать в Лондон?

Несмотря на равнодушный тон леди Вайолет, сын прекрасно понял ее беспокойство.

– Это не повод, а причина. Мне нужно как можно скорей оформить множество бумаг по поводу наследства, понять положение дел и восстановить полезные связи. Сидя в Даунтоне, я ничего не сделаю, ездить в Лондон все равно придется. Если желаешь, можешь поехать со мной, вам с Эдит было бы полезно развеяться.

– Нет, мы останемся в Даунтоне. Траур не то время, когда стоит показываться в свете. Все примутся наносить визиты и соболезновать, присматриваясь, чтобы увидеть у меня те чувства, которые желают увидеть. Кто-то скажет, что я скорблю, а кто-то, что втайне рада.

– Мама!

– Не будем обо мне. Я хочу быть уверена, что ты не сделаешь в Лондоне шагов, которые могут быть превратно истолкованы.

– Ты о... Кэролайн? Не беспокойся, я не сделаю ни единого шага, который даже самые придирчивые ханжи смогут превратно истолковать.

– Я рада, что ты так уверен.

Взгляд, который бросила леди Вайолет на сына, говорил о том, что в действительности она не столь уверена. У матери была причина волноваться за сына, не зря три года назад он практически сбежал в Африку из-за сердечной раны.

Вайолет лучше кого-либо понимала, что сердечные раны самые опасные, они могут открыться, будучи затянутыми, и снова причинить боль.

Но сын и впрямь не мог прятаться всю оставшуюся жизнь, к тому же от себя не спрячешься ни в Даунтоне, ни в Африке. Оставалось надеяться, что рана не смертельна...

Позже Роберт даже не мог вспомнить, как в сопровождении верного Томаса доехал до Йорка, сел на дневной поезд в Лондон, как вышел на вокзале Кингс-Кросс, наемным экипажем добрался до Чарльз-стрит. Вероятно, брал билет, договаривался с кебменом и распоряжался багажом Томас, понимавший, что хозяину очень трудно сосредоточиться.

Большой серебряный поднос в доме был полон визиток, присланных с соболезнованиями от знакомых, малознакомых и даже совсем незнакомых людей. Роберт распорядился:

– Томас, возьми все в Даунтон, леди Вайолет разберется.

После Даунтона особняк Грэнтэмхаус выглядел слишком нарядным и парадным, несмотря на траурные знаки. Дворецкий поинтересовался, приедет ли леди Вайолет, что подготовить лорду и какие будут распоряжения.

Лорд... нет, это не радовало. Однако приходилось помнить о своем новом статусе.

– Я не принимаю, кто бы ни приехал. Подайте чай в кабинет и принесите больше свечей туда. Ужин в восемь и без затей. Больше ничего. Пока ничего.

– Да, милорд.

В этот кабинет Роберт вошел без содрогания, кивком поблагодарил лакея, принесшего свечи, и второго с подносом с чаем и кексами. Подумал, что слуг многовато, особенно для Грэнтэмхауса, где нескоро снова зазвучат веселые голоса.

Злополучное письмо нашлось на подносе для почты. В нем действительно не было ничего необычного, все, как сказала леди Вайолет. В многочисленных ящиках стола тоже ничего. Вернее, бумаги были, но похожие на колонки цифр из Даунтона, они не пролили и капли света на тайну.

Может, ее и не было? Тогда что нашло на разумного, серьезного лорда Кроули, так дорожившего своим поместьем, своим именем, своей семьей, что он вдруг пустил себе пулю в сердце?

Оставалось надеяться на встречу с банкиром и знакомство с финансовыми делами Грэнтэмов.

Эта встреча состоялась на следующий день, но не с самим мистером Уайльдом, который все еще пребывал на Французской Ривьере, а с его помощником мистером Бредфордом.

– Позвольте выразить соболезнование, милорд. Это большая потеря для всех нас.

У мистера Бредфорда типичная внешность английского джентльмена – строен, подтянут, даже жилист, какими бывают люди, занимающиеся спортом, немного выше среднего роста, со светло-русыми волосами и светло-серыми глазами. Он излучал спокойствие и непоколебимую уверенность. Наверное, таким и должен быть помощник банкира, работающий с клиентами.

Вероятно, ровесник самого Роберта, он смотрел так, словно знал о своем визави все. Кроули подумал, что так и есть, ведь мистер Бредфорд знает, сколько денег у него на счету лучше его самого.

– Мистер Бредфорд, я хотел бы ознакомиться с состоянием счетов своего отца, чтобы знать, какие решения принимать.

– Безусловно. Все подготовлено, милорд, прошу вас.

Следуя приглашающему жесту, Роберт отправился в кабинет помощника банкира.

Он бывал в кабинете самого мистера Уайльда, огромном помещении, в котором можно бы разместить библиотеку или небольшой бальный зал, но там располагались лишь два стола – большой письменный самого банкира и гигантский овальный для совещаний, а также несколько шкафов с фолиантами. Со слов отца Роберт также знал, что боковые двери ведут во второй кабинет, куда допускаются только избранные, и комнаты для отдыха.

Кабинет мистера Бредфорда был несравнимо меньше, просто рабочее место очень занятого человека – большой стол с приставленным меньшим, несколько кресел, в том числе у небольшого камина, и стульев, определенно для дам. В этом заведении не бывает простолудинов, не привыкших к креслам, но дамам с турнюрами крайне неудобно сидеть, откинувшись на спинку.

– Прошу вас, милорд. Вот все поступления и выплаты за этот год. Если нужны за предыдущие, они здесь. – Мистер Бредфорд показал большую стопку листов. – Это полный расчет на день смерти графа Грэнтэма. Я готов ответить на любые вопросы. Но если мои пояснения вас не удовлетворяют, вам придется подождать возвращения мистера Уайльда.

Роберт взял предложенные листы. Сумма на счету его просто ужаснула, она была в несколько раз меньше той, которую Роберт мог ожидать. Понадобилась выдержка, чтобы не показать свои эмоции.

Посмотрел второй лист. Доходная часть Даунтона весьма прилична, средства поступали регулярно, некоторые совсем небольшими суммами, видно, от мелких арендаторов. Могло бы быть гораздо больше, это понимал даже несведущий в делах Роберт, видно, отец много лет не менял арендную плату, хотя остальные землевладельцы периодически ее пересматривали.

Большие или недостаточные, но доходы вопросов не вызывали, а вот расходы...

– Мистер Бредфорд...

– Да, милорд?

Помощник банкира, вручив Роберту листы с отчетами, сел за свой стол и занялся своими бумагами или только сделал вид, что занялся, чтобы не мешать клиенту внимательно изучать цифры. Услышав оклик, он немедленно переместился на стул напротив Кроули.

– Что это за платы?

Интересоваться было чем, ежемесячно ровно треть дохода Даунтона списывалась со счета. Еще по одной шестой резервировалось для приданого леди Эдит Кроули и на счет леди Вайолет. Эти шестые части вопросов не вызывали, а вот куда уходила треть?

Бредфорд, даже не заглядывая, кивнул:

– Эти выплаты осуществлялись по распоряжению покойного лорда Кроули некоему мистеру Смиту в течение пяти последних лет.

– Почему?

Помощник банкира только развел руками:

– Милорд, мы не вправе задавать вопросы клиентам по поводу их распоряжений, если таковые не противоречат закону. Это не противоречило, владелец вправе перечислять свои средства кому угодно.

– Кто такой этот мистер Смит?

И снова Бредфорд развел руками:

– Мне неизвестно, милорд.

– Но если вы перечисляете ему деньги, то можете разыскать этого человека, я хотел бы с ним встретиться и понять, что это за платы. Долги? Обязательства? Пожертвования?

Мистер Бредфорд отвел глаза, что очень не понравилось Роберту.

– Милорд, счет мистера Смита в Австралии, едва ли вам удастся с ним побеседовать.

– Но увидеть распоряжение графа Грэнтэма я могу?

– Оно у мистера Уайльда, у меня только копия. Если вас интересует само содержание, могу предоставить.

– Сделайте это.

Помощник банкира открыл небольшой сейф и достал лист, из текста которого явствовало, что лорд Кроули граф Грэнтэм поручает отчислять треть поступлений поместья Даунтон на счет мистера Генри Смита. И номер счета этого Генри...

– Ваш отец ежемесячно подписывал наши отчеты, соглашаясь с ними. Мы ничего не делали против его воли или втайне от него.

– Я не подозреваю вас или мистера Уайльда в недобросовестности, но согласитесь, отдавать треть дохода кому-то... Я просто хочу знать, кто это и почему получает столько же, сколько мои мать и сестра вместе.

– Это ваше право, милорд, – вздохнул мистер Бредфорд, – но я не могу объяснить причину решения вашего отца. Это его дело, наше состоит в том, чтобы неукоснительно выполнять волю клиента.

– Мистер Уайльд может что-то знать?

– Возможно. Я извещу вас, как только он вернется. Это будет уже скоро.

– Когда должна быть следующая выплата?

– В конце месяца, милорд, как обычно.

Роберт поднялся, одновременно с ним, ни на мгновение раньше или позже, встал и мистер Бредфорд. Это демонстрировало уважение к клиенту и одновременно самоуважение. Кроули почему-то мысленно похвалил помощника банкира. Умение вот так держаться одновременно почтительно и с достоинством без малейшего заискивания дано не всем. Часть клерков принижает себя, другие, напротив, пытаются казаться значительней, чем они есть на самом деле. Мистер Бредфорд держался на высоте.

– Я возьму отчеты с собой.

– Да, конечно. – Мистер Бредфорд ловко вернул бумаги в папку и подал ее Роберту. – Прошу вас.

– И еще... мистер Бредфорд, для того чтобы переводить деньги теперь, вам нужно мое поручение, не так ли?

– Безусловно, милорд.

– Поэтому мне придется разобраться с таинственным мистером Смитом как можно скорей.

– Вероятно.

Роберт не стал возвращаться в Даунтон в тот же день, решив поработать с бумагами в Грэнтэмхаусе. Позвонив матери, сообщил, что остается еще на день, и осторожно поинтересовался, кто такой мистер Генри Смит из Австралии.

– Понятия не имею.

– Возможно, он и не в Австралии. Отец никогда не упоминал этого имени.

– Не помню такого. С ним связано что-то нехорошее? Почему у тебя такой голос?

– Нет, разбираюсь с банковскими бумагами, встретил эту фамилию, но не в списке арендаторов. Мы случайно не получали кенгуру или коал из Аделаиды или Мельбурна?

Шутка вышла несколько мрачноватой.

Вернувшись домой, Роберт снова предупредил дворецкого, что не принимает, и попросил обед в кабинет. Тот едва заметно поджал губы. Лорд Кроули никогда не обедал в кабинете!

Роберт понял причину недовольства мистера Блэйка, на мгновение замер, потом заметил:

– Нет, обед будет в комнате для завтрака, но это только сегодня. Мистер Блэйк, раз уж мы заговорили об этом... Леди Вайолет и леди Эдит не скоро приедут в Лондон, я стану бывать здесь часто, но исключительно по делам. Думаю, можно сократить число слуг, и кухарку оставить только для ваших нужд. Если что-то понадобится мне, я всегда смогу сделать заказ в ресторане. Либо буду предупреждать вас заранее, чтобы заказали вы. Грэнтэмхаус нужно всю зиму хорошо отапливать, чтобы не завелась сырость, а также зачехлить люстры и мебель от пыли. Вы со мной согласны?

Он вовсе не обязан спрашивать согласия дворецкого, но решил сделать тому приятное. Мистер Блэйк важно кивнул, после чего Роберт невольно отметил, что выглядеть так же солидно, как мистер Бишоп, ему все равно не удастся, как бы он ни надувал щеки.

– Вам достаточно одного лакея, одной горничной и кухарки, мистер Блэйк? Томас будет приезжать со мной, а если вознамерится приехать леди Вайолет, она тоже привезет свою горничную.

Конечно, управлять домом, в котором всего пара слуг и кухарка, для мистера Блэйка почти оскорбительно, но выбора в данный момент просто не было.

– Да, ваша милость.

– Мистер Блэйк, ваша оплата остается прежней, со слугами разберитесь сами. И прошу вас, мне не нужен обед из трех перемен по девять блюд в каждой, достаточно одной.

– Да, милорд.

Если теперь по Лондону поползут сплетни о странностях нового хозяина Грэнтэмхауса и его пуританских привычках, можно не сомневаться, откуда эти сплетни.

– Обед через час, мистер Блэйк, в комнате для завтрака.

– Да, милорд. – С важным кивком дворецкий удалился отдавать распоряжения лакею.

Роберт уже повернулся, чтобы выйти из гостиной, как вдруг заметил несколько визитных карточек на полу подле столика. Вздохнул: к чему держать толпу слуг, если никто не замечает даже упавших визиток.

Наклонился, чтобы поднять. Сегодня кто-то побывал в Грэнтэмхаусе?

Обычные выражения соболезнования от лорда Саммерса (странно, ведь он был в Даунтоне на погребении), леди Фаулз и ее дочери леди Элизабет Фаулз... миссис и мисс Левинсон...

Похоже, визитки валялись под столом со дня смерти графа Грэнтэма. Мистер Бишоп такого не допустил бы.

Роберт решил не выговаривать, а карточки забрал с собой в кабинет.

Бегло просмотрел принесенные из банка бумаги, некоторое время сидел задумавшись. Ясно только одно: у отца была некая тайна, требовавшая больших средств. С мистером Смитом его могло связывать что угодно, хорошо, если мистер Уайльд прояснит ситуацию, пока же остается только ждать и разбираться с арендаторами.

На глаза снова попала визитка миссис и мисс Левинсон. Он так и не извинился перед американкой, но теперь это делать было бы нелепо. Во время траурных мероприятий ему было вовсе не до беседы с леди Маргарет, возможно, теперь стоит встретиться и попросить извиниться за него. Роберт терпеть не мог оставлять подобные вопросы нерешенными, это неприлично для джентльмена.

Поймал себя на мысли, что даже не помнит, в чем дело. Он что-то сказал на балу, что не предназначалось для ушей этой американки, а та услышала. Так нечего подслушивать, а если это случилось, следует сделать вид, что оглохла, а не демонстрировать свое знание французского.

Вот чем отличаются английские леди от американских мисс – умением держать себя в руках и сглаживать неприятные ситуации. Нет, этой мисс Левинсон никогда не стать английской леди, воспитание не то.

Интересно, нашла ли она себе мужа, ведь ее привезли на Сезон явно с такой целью.

Томас доложил, что обед подан в комнате для завтрака. Почему не сам дворецкий, обижен или вовсе покинул Грэнтэмхаус?

Сама мисс Кора Левинсон, которой Роберт категорически отказывал в способности стать настоящей леди, в это время возвращалась к привычной жизни по другую сторону океана.

После долгого пребывания в Европе, Лондонского Сезона, пусть и не выстрадавшего в полной мере, недельного путешествия через Атлантику они с Мартой Левинсон были просто счастливы ступить на твердую землю и увидеть милых сердцу людей, суматоху Пятой авеню, привычные вещи...

– Как же хорошо оказаться дома!

Кора воскликнула это от души, и ей все равно, как отреагируют старший брат и младшая сестра. Впрочем, их реакция была вполне предсказуемой.

Гарольд ухмыльнулся, словно знал о сестре что-то не слишком хорошее, а сестрица критически оглядела Кору, даже передернув плечами и скривившись:

– Это что?!

В Европе в тот год отказались от столь привычных турнюров. Конечно, турнюр создавал элегантнейший силуэт и дамам очень нравился, но столь же быстро, как полюбили, от него отказались. Более неудобными были только кринолины, но прошли те времена, когда дамы были готовы падать в обморок от усталости из-за невозможности сесть, только чтобы их юбки, насаженные на широкие каркасы, красиво колыхались при ходьбе.

Турниор позволял садиться, его каркас делали небольшим и не всегда жестким, но пристраиваться на стул приходилось боком и с оглядкой, чтобы не помять роскошные банты и оборки сзади на платье. Промучившись с десятков лет, дамы все же отказались от элегантного силуэта – победил здравый смысл.

Конечно, в Америке знали об изменениях в моде, у многих дам имелись новые платья, наряды без турниоров можно встретить не только на приемах, но и на улице, но чтобы Кора оказалась в числе самых модных и решительных... Нет, этого Ава стерпеть не могла!

Она и без того страдала из-за невозможности выглядеть настоящей дамой – возраст не позволял. Мечтала пройтись в платье с турниором, демонстрируя прекрасную осанку и великолепный трен, даже сотни раз репетировала, и вот тебе... Все отменили, теперь попробуй выглядеть элегантно!

Новый дамский силуэт, совершенно не понравившийся Аве, ассоциировался с образом Кору, которой она страшно завидовала. Кора не виновата в невезении сестры, но разве это честно? Когда миссис Левинсон собралась в Европу с дочерьми, четырнадцатилетняя Ава, мечтавшая очаровать Старый Свет, несмотря на свой возраст, заболела ветрянкой и вся покрылась красными точками! Конечно, по мнению несчастной больной, могли бы подождать, но Марта так боялась заразиться от дочери, что предпочла отправиться без нее.

Ничего страшного не произошло, время Авы еще придет, но обида у юной мисс Левинсон осталась. Эта обида делилась пополам – на весь белый свет и Кору. Пожалуй, даже Кору и остальной белый свет, включая плохую погоду, если таковая случалась.

– Почему ты вернулась, замуж не взяли?

Еще полгода назад Кора непременно огрызнулась бы на эту вредину, но сейчас... Она вдруг живо представила реакцию леди Маргарет на подобное замечание, от кого бы то ни исходило. Спина сама собой выпрямилась, а головка вскинулась. Губы тронула легкая улыбка сожаления.

– Я тоже рада тебя видеть, Ава. Позже расскажу о королевском приеме, а сейчас, извини, нужно привести себя в порядок.

На несколько мгновений Ава осталась с открытым ртом, не в силах поверить, что перед ней Кора, потом фыркнула:

– Ах, какие мы стали важные!.. Неудачница.

И снова Кора никак не отреагировала на выпад сестры.

Они не заметили внимательного взгляда миссис Левинсон, не то довольного, не то осуждающего, пожалуй, она и сама не могла понять, какие чувства испытывает. Кора явно кое-что усвоила в Европе, особенно в Лондоне, но будет ли это благом здесь, в Нью-Йорке?

Кора действительно изменилась, она увидела другой свет, где гордились и даже кичились не огромными деньгами и их безумной тратой, а родословными и многовековыми традициями. Это в Ньюпорте или особняках Пятой авеню чем больше блестящей роскоши, тем лучше, чем длинней ряд нулей в потраченных на очередное безумство средств, тем престижней. Роскошные золотые подарки гостям во время обеда только потому, что соперница сделала таковые... Новый особняк, хотя уже есть несколько других, только чтобы превзойти размерами построенный зачатой подругой... Еще одна конюшня, на лошадях из которой ездить будут в основном ухаживающие за ними конюхи... ложи во всех стоящих театрах Америки и даже Европы, хотя присутствовать в один вечер в нескольких местах на разных континентах невозможно...

Перечислять безумства нуворишей из ее окружения Кора могла бы долго.

И в Европе она сталкивалась с вульгарной тратой средств, со множеством кичливых и глупых людей, но увидела и других – старую элиту, ту, правила поведения которой складывались веками, где царила викторианская мораль и жесткие требования к каждому шагу и слову.

Там, в Лондоне, это не нравилось, казалось занудным и снобистским, здесь вдруг стало выглядеть утонченным и заманчивым. Умение сдерживать эмоции, вести себя так, чтобы не

поставить в неловкое положение собеседника или просто присутствующих... Почему она не училась, пока была среди тех людей?!

Резал уши акцент, невнятная речь окружающих...

Кора понимала, что через несколько дней это пройдет, что она сама станет прежней, но понимала, что не забудет полученный урок, а еще... ее будет постоянно тянуть в тот мир ограничений. Лондон их не принял, но она уже не могла жить по-прежнему.

И все же к прежней жизни вернуться оказалось легче, чем она ожидала. Помог новый роскошный особняк, достроенный отцом в Ньюпорте, там имелась прекрасная конюшня, а верховую езду Кора всегда любила.

И верный влюбленный Генри Невилл оказался рядом. Ему понравились изменения в облике и поведении Кору:

– Ты стала такой элегантной! Хотя в прежних нарядах выглядела еще лучше.

Через пару месяцев Кора уже не вспоминала своего лондонского обидчика Роберта Кроули графа Грэнтэма. Пусть себе кичится титулом, зато у нее есть свобода, предоставленная обожающим отцом. И Аве она рассказывала о Европе теперь с легкой насмешкой.

А вот еще одну Аву – леди Бельмонт, сестру Марты Левинсон, которая и попросила свою приятельницу леди Маргарет представить племянницу ко двору, – обмануть не удалось. Ава-старшая сама прошла через то же и прекрасно понимала состояние Кору. Она допросила сестру и племянницу с пристрастием и сделала свои выводы, которые подтвердила переписка с леди Маргарет. В результате две тетушки задумали изменить кое-что в этом мире и готовились к самым решительным действиям.

Прошла неделя после визита Роберта Кроули к мистеру Бредфорду, из Европы вернулся мистер Уайльд, но ничего не прояснилось. Банкир тоже ничего не знал о мистере Смите, кроме того, о чем уже слышал Роберт – получатель живет в Австралии.

Оставалось надеяться, что что-то прояснит мистер Симпсон. Он возвращался тоже из Австралии, где в Канберре жила его сестра. Вероятно, у мистера Симпсона найдутся там знакомые, которым можно поручить что-то разузнать. Если нет, придется нанять детективов, хотя денег на расследование придется потратить немало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.